

ЧУДЕСНОЕ ПРИКАМЬЕ

Сказки, стихи,
рассказы и загадки
о Пермском крае







ЧУДЕСНОЕ ПРИКАМЬЕ

Сказки, стихи,
рассказы и загадки
о Пермском крае



ПЕРМЬ
2016

УДК 821.161
ББК 84(2=411.2)
Чуд84

В сборник «Чудесное Прикамье» вошли произведения разных жанров: очерки, сказки, рассказы, стихи, загадки, занимательные задания. Есть здесь тексты фольклорные и авторские, написанные пермскими и коми-пермяцкими поэтами и прозаиками, а также рассказы замечательного писателя Виталия Бианки, которого судьба связала с Пермской землёй. Объединяет все эти произведения тема – Прикамье. Книжка расскажет юным читателям о чудесах, богатстве и разнообразии нашего края. Она поможет детям многое узнать и лучше понять, на какой необыкновенной земле они живут.

Книга издаётся по заказу Министерства образования
и науки Пермского края в рамках проекта
«Подарок первокласснику».

ISBN 978-5-9908244-0-9

© Авторы, текст, 2016
© ООО «Лира-2», 2016

Дорогой друг!

Ты пришёл в первый класс и теперь по-новому будешь открывать мир. Мир науки, мир книг, мир природы. А наша книжка поможет тебе сделать одно очень важное открытие – узнать твой родной дом, твою малую родину, то есть место, где ты живёшь.

Погляди внимательно вокруг! Всё, что тебя окружает, – твой дом. Он очень интересный, разнообразный и совсем не маленький. Правда? Ведь дом – это не только крыша и стены, ступеньки и окошко. Это твой город или село, это леса и реки, луга и птицы, звери и звёзды над крышей. А ещё люди, которые живут рядом, языки, на которых они говорят, сказки и стихи, которые они сочиняют.

Пермский край большой. И чудес в нём много. И каждое чудо – твоё! Ты хозяин этого огромного дома. А свой дом нужно знать хорошо!

Известно ли тебе, например, каким ключом открывается Кама? Что означает слово «Пермь»? Видел ли ты когда-нибудь летнюю метель или ночную радугу? Мечтал ли взглянуть на землю с высоты птичьего полёта? Прочитай нашу книжку – и ты всё это (и многое другое!) узнаешь, почувствуешь, увидишь и поймёшь. В этом секрет настоящих писателей – они умеют рисовать словами, словно красками.

А ещё ты найдёшь в нашей книжке загадки, кроссворды и весёлые задания. Скучно не будет! Открывай книгу и начинай читать!



Дорога птиц

*Зеница ока, Родина моя!
Что без тебя на этом свете я?
Без белых роц, без пушкинской строки
Я не жилец, я сгину от тоски.*

Алексей Решетов



Альмира Зебзеева

КТО МЫ?

Мы – россияне. Наша страна – Россия. Посмотри на карту и увидишь, как широко она раскинулась. Это наша Родина, наш большой дом.

Но у каждого человека есть и малая родина, край, где он родился и живёт.

Край, где живём мы с тобой, называют по-разному: Урал, Прикамье, Пермский край.

Пермский край – частица России, одна из «квартир» большого дома. Почему же она называется пермской?

– Потому, – скажешь ты, – что в ней главный город Пермь.

Правильно. А Пермь – почему?

Если не знаешь, ни за что не догадаешься. Здесь не догадка нужна, а знание. «Пера маа», что значит «дальняя земля», – так называли эти места когда-то вепсы, маленький народ, живущий между Онежским и Ладожским озёрами. В древности они торговали с народами, которые населяли наш край.



А есть ещё одно предположение. В нашем крае очень много лесов. Так вот, невысокие горы, покрытые густым лесом, коренные жители этих земель – коми-пермяки – называли «пармой». Из этого слова тоже могло образоваться слово «пермь».

«Пермь Великая» – так когда-то, очень давно, весь наш край именовался. Потом это имя дали городу. Так что и город у нас старинный – ему уже около трёхсот лет, – и имя у него древнее.

А почему – Западный Урал?

Прямо посреди России, почти деля её пополам, протянулись с севера на юг Уральские горы. На западных склонах гор наш край и расположился. Так что мы с тобой – уральцы.

И россияне, и уральцы, и пермяки... Так кто же мы в конце-то концов?

И РОССИЯНЕ, И УРАЛЬЦЫ, И ПЕРМЯКИ.

А вот почему наш край – Прикамье? Ответ на этот вопрос ищи на страницах книги.



Герб и флаг Пермского края

У каждой страны, края, области, города есть свои официальные символы. Например, герб и флаг.

ГЕРБ – это знак, который изображают на флагах, монетах, печатях, документах. Само слово «герб» – очень древнее. В некоторых языках славянских народов оно значит «наследство». И сам герб у нас, жителей Пермского края, древний. Это настоящее наследие предков, память предков.

Откуда у нас на гербе степенный и добрый медведь?

Древние жители Пермской земли, наши предки, были очень близки к окружающей их природе. Они поклонялись животным, уважая их ум и силу. Одним из самых почитаемых зверей был медведь. В честь хозяина тайги слагали сказки и песни, легенды и предания. Учёные-археологи при раскопках находят множество его каменных и бронзовых изображений.



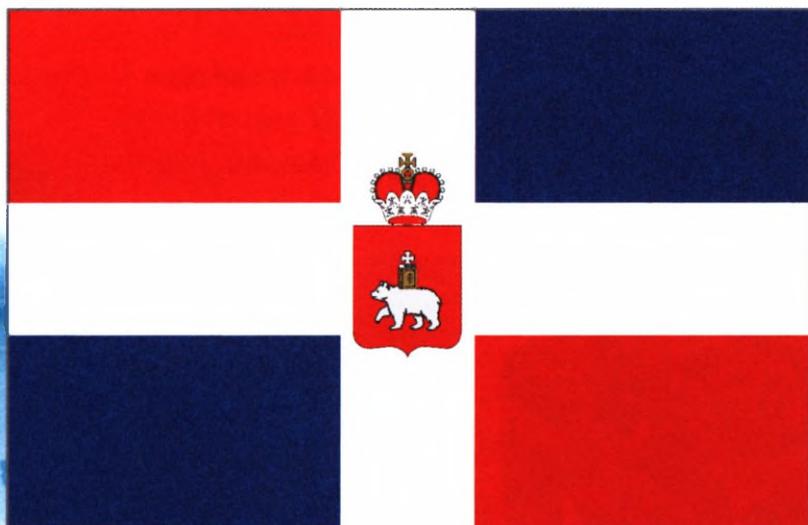
В 1577 году на Большой государственной печати царя Ивана Грозного среди гербовых знаков других земель, которые входили в Московское государство, появилась «Печать Пермская», а на ней – фигура медведя.

Прошло около ста лет, и «Печать Пермская» стала гербом Перми Великой, только на спину идущему медведю поставили Евангелие – книгу об Иисусе Христе – с крестом сверху.

Таким, с незначительными изменениями, дошёл герб до наших дней.

ФЛАГ – это полотнище определённого цвета с отличительным знаком государства (например, Российской Федерации), региона (например, Пермского края), организации (например, спортивного общества).

Это флаг Пермского края. На нём отличительный знак края – герб.



Цвета флага Пермского края – синий, красный и белый.

Синий цвет с давних времён олицетворяет красоту, мягкость и человеческую теплоту. Он напоминает нам о полноводной красавице Каме, которая протекает через весь край. Синий цвет на нашем флаге отразил и историю: под синими стягами воины дружины Ермака шли на освоение Сибири.

Красный цвет – символ силы и храбрости наших земляков, способных грудью защищать свою Родину и в боях доказавших своё бесстрашие.

Белый – цвет чистоты отношений, добра и мира.

Такие же цвета – красный, синий и белый – на флаге нашей страны России.

Николай Бурашников

* * *

Я говорю себе: не спи.
Ты будешь спать года.
Высоких звёзд не разлюби,
Не разлюби пруда.

Сойдя тихонько под угор,
На берегу ночном
Подслушай тайный разговор:
О чём они, о чём?

И Млечный Путь через века
По сердцу будет течь.
Свет языка, плеск языка –
Волнующая речь.



Мифы, предания и сказки народов Прикамья

Башкирские предания

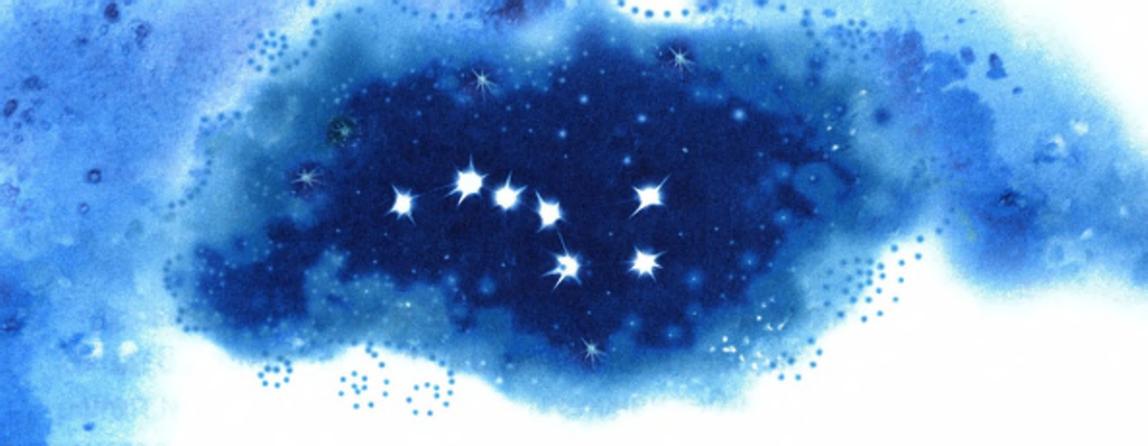
ДОРОГА ПТИЦ

Случилось это в незапамятные времена. Тогда ещё не было ни звёзд, ни Млечного Пути.

Каждое лето на Урал прилетали откуда-то с юга журавли. В старину считали, что они прилетают из страны Хиндустан.

Однажды, когда холодной осенью журавли летели в тёплые края, поднялся сильный ураган. У журавлят не хватало сил бороться с ветром, они стали блуждать и биться в небе, а некоторые от усталости падали на землю. Тогда взрослые журавли, чтобы указать путь отстающим, начали рассыпать по небу свои перья. Эти пёрышки засияли на тёмном небе и превратились в звёзды. Отставшие журавлята увидели звёздную дорогу и полетели по ней.

Потому люди и назвали эту дорогу в небе «Дорогой птиц». А ещё её называют Млечный Путь.



КОВШ ВЕЛИКАНА

В стародавние времена земля была величиной с ложку, а небо – с чашку. Людей и всяких зверей на земле постепенно становилось всё больше, и земля тоже начала увеличиваться в размерах. Увеличилось и небо.

В ту пору люди ели из одного котла. Но вот пришёл откуда-то Великан и съел всё, что было в котле. Что делать? Решили люди сделать котёл побольше. А к котлу и ковш нужен. Котёл отлили из серебра, а ковш – из золота. Поднял Великан котёл, говорит: «Хорош». Поставил его на место, поднял ковш. «А этот что-то слишком лёгок», – промолвил Великан и высоко подкинул ковш, желая поймать его на лету. Но ковш, кружась, полетел прямо в небо, к звёздам, да так и застрял между ними.

Ковш Великана существует по сей день. Семизвездьем сверкает он на небе: четыре звезды образуют дно, три – ручку. Вечером ковш – вниз дном, к утру переворачивается дном вверх.

А ещё люди зовут это созвездие Большой Медведицей.

ПЯТНА НА ЛУНЕ

У одного человека умерла жена, и он женился на другой. Она оказалась злой мачехой для падчерицы. Вздохнуть не давала бедняжке: и скотину накормить, и печь истопить, и воды наносить, и полы помыть – со всеми делами сирота одна должна была управляться. И за всё это ей только ругань да побои доставались и ни одного ласкового слова.

Однажды, ещё не брезжил зимний рассвет, подняла девочку мачеха и послала её за водой. Взяла девочка вёдра да коромысло и пошла на речку. А на дворе стоял лютый мороз, и луна ярко-ярко сияла на небе. Черпая воду из проруби, девочка горько плакала. «Хоть бы эта холодная луна забрала меня на небо!..» – приговаривала она.

Луне стало жаль сироту, и она притянула девочку к себе вместе с вёдрами и коромыслом.

Присмотритесь-ка, когда луна ярко светит: девочка и теперь там стоит, коромысло с вёдрами на плечах держит.



ЗВЕЗДОПАД

Давным-давно жила-была на свете маленькая девочка. Ей было лет восемь, когда она осталась круглой сиротой. Некому стало о ней заботиться – ни покормить, ни нарядить, ни ласкового слова сказать. Ничего-то у неё не было, кроме худенького платьишка да старого платка. Пришлось по миру ходить, милостыню просить.

Однажды один добрый человек подал ей краюшку хлеба. Только девочка вышла за ворота – встретился ей нищий старик.

– Девочка, я очень голоден, дай мне хлебца, – стал просить старик.

Девочка и отдала ему всю краюшку.

– Ешь, – говорит, – дедушка, на здоровье.

И пошла себе дальше. Шла, шла – уже вечер наступил. Встретился ей молодой парень.

– Дай мне, – говорит, – что-нибудь голову закрыть: холодно стало.

Девочка сняла с головы платок и отдала прохожему.

Только отошла немного – вдруг с неба звёзды стали падать, а упав на землю, превращались в серебряные монеты. Обрадовалась сирота и стала собирать их.

Недаром говорят, что доброе слово и доброе дело рано или поздно добром оборачиваются.

Предания народа манси

МЕДНЫЙ БАРАБАН

Раньше все народы на земле жили дружно. Всё сообща делали и друг другу помогали. И всякое дело у них ладилось: и охота была удачной, и рыба ловилась, и грибов и ягод в лесу было много.

Но вот однажды кто-то нашёл за Камнем-Уралом большой медный барабан. Хороший барабан, звонкий, красивый. Сделал этот барабан злой бог Куль, но люди об этом не догадались. Стали они бить в барабан. Каждому первым ударить хочется, да погромче, чтобы эхо по горам покатилось. И заспорили люди: «Мой барабан!» – «Нет, мой!» – «Я его нашёл!» – «Нет, это я его первым увидел!»

Поссорились люди и разошлись в разные стороны. Перестали помогать друг другу и даже язык друг друга понимать перестали.

С тех пор каждый народ и живёт на своих землях, и говорит на своём языке.



ОБИДЧИВАЯ ЛУНА

Жила-была старая женщина с двумя внучатами. Вот однажды играли дети во дворе до позднего вечера. Уже совсем стемнело. Вышла на небо луна. Дети увидели её и стали дразнить. Смеются, пальцами на небо показывают. Обиделась луна и от обиды почернела. А дети всё угомониться не могут, прыгают и рожи корчат. Тогда начала луна тихо-тихо опускаться, чтобы наказать озорников. Дети испугались, убежали в дом. Бабушка выглянула в окно, видит: сердитая чёрная луна с неба спускается. Бабушка быстро спрятала внучат – затолкала в мешок и за печку задвинула. А на стол поставила солонку с солью и каравай хлеба.

Спустилась луна с небес, влезла в дом и закричала:

– Где эти негодники, что меня дразнили? Отдавай мне их, а не то дом разрушу!

Соль услышала это и говорит:

– Малыши посмеялись, а ты и обиделась. Меня люди в котёл бросают, в кипятке варят, я и то не сержусь.

А хлеб говорит:

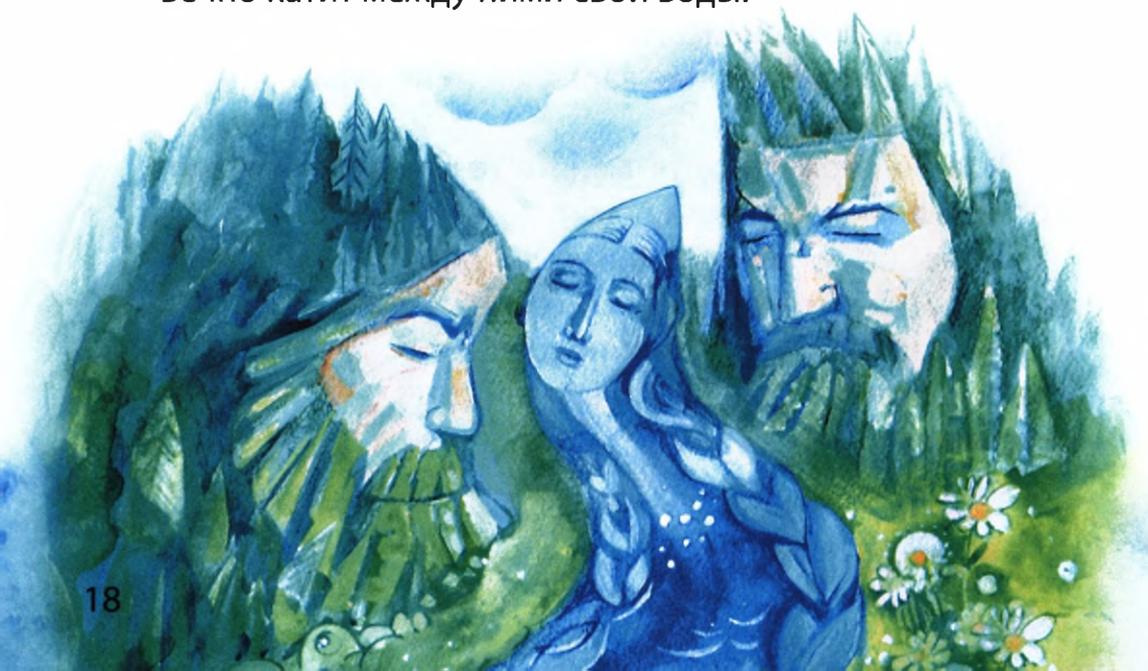
– И я не сержусь, хотя меня в горячей печи пекут и острым ножом на куски режут.

Стыдно стало луне. Выбралась она из дома и вернулась обратно на небо. А дети из мешка вылезли, но больше уже по ночам не гуляли и луну никогда не дразнили.

Предания коми-пермяков

ПОЛЮД, ВЕТЛАН И ВИШЕРА

Давным-давно жили на Урале два богатыря – Полюд и Ветлан. Вместе несли они дозорную службу, родной край от врагов охраняли. Но оба богатыря полюбили одну девушку – красавицу Вишеру. Поссорились они и начали биться друг с другом. Вишера не могла спокойно смотреть, как сражаются из-за неё насмерть богатыри. Она бросила между ними свой синий платок. И в том месте, где упал платок, потекла прекрасная полноводная река. Полюд остался на одном берегу, а Ветлан на другом. Так с тех пор и стоят богатыри. Не могут они больше сражаться, даже двинуться не могут – окаменели. Стали богатыри скалами. Полюд стоит на правом берегу, Ветлан – на левом, выше по течению. А красавица Вишера вечно катит между ними свои воды.



ПЕРА-БОГАТЫРЬ И ВОДЯНОЙ

Чудской народ не только лесованием – рыболовством промышлял. В ту пору рыбы в реках было много. Любили люди рыбачить на Иньве, Лупе-реке да на Большой Каме. В Каме-то рыба так и плескалась, ходуном ходила.

Вот только мешал рыбакам водяной, Ваись Куль покомипермяцки. Придут люди сети проверять, а в сетях даже мелкой рыбёшки нет, трава одна.

Рассердился Пера-богатырь на водяного, решил встретиться с ним да силу богатырскую попробовать. Собрался Пера, приплыл на лодке к глубокому омуту Камы, поставил на всю ширь сети и давай их качать, волну поднимать.

Волны берега захлёстывают. Время идёт. А водяной всё не показывается.

Весь день ждал Пера. Только когда стемнело, вылез водяной из глубокого омуту. По росту водяной под стать лешаку, большой-большой. Волосы у него длинные, борода длинная, весь в тине, лохматый.

– Ты чего, Пера, воду мутишь, покою не даёшь? – спрашивает водяной.

– Хочу тебя, Ваись Куль, в свои сети поймать да камскую рыбу людям отдать, – отвечает Пера.

– Рыба камская моя, – говорит водяной. – Хочешь её иметь, давай силой потягаемся.

Решили Пера с водяным состязание устроить: кто дальше нырнёт, кто победит, того и камская рыба.

Первым нырнул водяной. Много прошло времени, а водяного всё не видать. За пять вёрст вынырнул.

– Да-а, далёко ныряешь! – воскликнул Пера. – Смотри теперь, где я вынырну. Беги скорей и ожидай меня за изгибом реки.

Пера-богатырь указал водяному изгиб за десять вёрст. Побежал водяной к изгибу Камы. Запыхался, пока добежал.

Нырнул Пера, проплыл немного под водой да вынырнул. Вышел и берегом добежал до начала изгиба. Снова нырнул и только за поворотом реки вынырнул.

Увидел водяной Перу, испугался и сказал:

– Ты, Пера, победил. Рыба камская твоя.

Вернулись они к месту, где Пера лодку и сети оставил. Ухватил Пера водяного за бороду:

– Просто так, Ваись Куль, я тебя не отпущу! Много беды наделал ты людям!

Водяной дрожит, просит Перу:

– Отпусти меня, богатырь. Худого больше ни тебе, ни людям не сделаю.



– Хорошо, – согласился Пера, – отпущу, если навсегда покинешь Каму и уйдёшь жить в озеро, что у Кайского волока.

Рад был такому решению водяной. Ушёл он с Камы в Большое озеро, что у Кайского волока, и сгинул там. С того времени это озеро Адовым зовут.

Освободил Пера людей от водяного, много рыбы стали люди в Каме ловить. А народ Перу своим заступником стал называть.



Татарская сказка

О КРИВОЙ БЕРЕЗЕ

Жил в давние времена очень сметливый бедный человек. В тех же местах жил богач, который очень любил хвастать и считал себя большим умником.

– Меня не обманет ни один хитрец! – любил повторять хвастун.

Однажды шёл он по дороге и увидел издалека сметливого бедняка. Тот стоял, прислонясь к кривой берёзе.

Подошёл хвастун к нему и сказал:

– Тебя, дружок, считают самым ловким да сметливым. А ну-ка, попробуй перехитрить меня!

На это хитрец ответил:

– Почему бы и не попробовать?! Я перехитрил бы тебя, да вот беда, нет при мне мешка с хитростями. Дома он у меня остался.

– Пойди принеси свой мешок, а я подожду тебя здесь, – сказал хвастун.

– Я бы с радостью пошёл, да не могу, – заявил хитрец. – Видишь, как берёза покривилась? Стоит мне отойти – она и повалится.

Услышал хвастун эти отговорки, рассердился и крикнул:

– Беги скорее за своими хитростями! Пока не вернёшься, я сам буду берёзу подпирать!

Ушёл сметливый, да так и не вернулся. А хвастун до этого дня, говорят, стоит и кривую берёзу подпирает.

*А было это, голубчики, в старину,
Когда задумал дед Архип залезть на луну.
Тогда сказки по воздуху летали,
Друг друга за крылья хватали.
А я за ними на зелёном коне скакала
Да в мешок эти сказки собирала.*



Русская сказка

ЯГИШНА И СИНИЧКА

Жила-была одна женщина, и были у неё родная дочь и падчерица. Дочку мать баловала, а падчерицу работать заставляла, куска хлеба бедняжке жалела. Однажды послала мачеха падчерицу в лес за грибами и ягодами, а сама надеется: авось девчонка заблудится и назад дороги не найдёт!

Шла девочка по лесу, шла и забрела в чащу. Вдруг видит: стоит на поляне избушка. Решила отдохнуть, поднялась на крылечко, заглянула в горницу, а там Ягишна. Увидела девочку и говорит:

– Хорошо, что ты, мила дочь, ко мне пришла. Будешь у меня в работницах жить!

Девочке не хочется на всю жизнь в глухом лесу оставаться, она и просит:

– Отпусти меня, бабушка, домой!

– Хорошо, – говорит Ягишна. – Если принесёшь мне с речки воды, отпущу да ещё и награжу.

Дала Ягишна девочке решето и пó воду послала. Добралась девочка до речки, а что делать – не знает. Как решетом воды наносить? Зачерпнёт воду, побежит по тропинке, а вода-то вся на землю выливается.

Заплакала девочка:

– Видно, век мне в тёмном лесу жить! Убегает вода из дырявого решета, а мне из леса не убежать!..

Пожалела девочку синичка, села рядом с ней на веточку и пропела:

– Глинкой, девица, глинкой!

Догадалась девочка, что ей птичка подсказывает, набрала глины, замазала дно решета и наносила этим решетом полную бочку воды.

Ягишна девочку похвалила и наградила: дала ей с собой шкатулку, полную серебра.

Вернулась падчерица домой, показала шкатулку мачехе. Жадная мачеха позавидовала. Захотела она тоже такой подарок получить и послала в лес свою родную дочь.

Брела мачехина дочка по лесу, брела и добрела до полянки, где избушка Ягишны стояла.

Увидела девочку Ягишна и говорит:

– Одна работница ушла, другая пришла.

– Я тебе не работница! – отвечает мачехина дочка. – А пришла я к тебе за шкатулкой, полной серебра.



– Сперва, – говорит Ягишна, – задание моё исполни. Тогда и про награду поговорим.

Дала она мачехиной дочке решето и послала по воду.

Стала девочка воду из реки чёрпать, а вода из решета выливается. Ни капли донести не получается!

Пожалела девочку синичка, села рядом с ней на веточку и пропела:

– Глинкой, девица, глинкой!

Но мачехина дочка ничего в её песенке не поняла. Схватила комок глины и бросила его в птичку. Синичка вспорхнула и улетела.

Сколько мачехина дочка ни старалась, не смогла она в решете принести воды. Так бы в лесу и осталась. Только Ягишна её прогнала. Не нужны ей такие работницы!



**Жил-был карась –
Вот и сказка моя началась.
Плавал да плавал карась у плотины –
Сказка рассказана до середины.
Я бы поймал за хвост карася,
Да, жалко, сказка рассказана вся.**

Альмира Зебзеева

Земля широка – все поместимся

В Пермском крае живут больше ста народов. И это не сказка, а самая настоящая быль. Народы большие и народы маленькие. И у каждого народа свои обряды и обычаи, свои сказки и песни, свой язык. Скажешь: «Здравствуй!» – а тебе ответят: «Бур лун!» или «Исянмесез!»

Так жить интереснее. Ведь чем больше сказок, песен и друзей, тем веселее. Главное, понимать друг друга!



Пермяк – солёны уши

Жители других краёв часто называют любого, кто живёт на Пермской земле, «пермяк – солёны уши». Откуда взялось это смешное выражение?

В нашем крае испокон веков занимались вываркой соли. И город такой есть – Соликамск. А его древнее название – Соль Камская. На старом гербе города недаром изображён колодец с воротом, которым пользовались в старину, когда поднимали соляной рассол.

Далеко за пределами края соль пермская называлась пермянкой.



Труд на соляных промыслах был очень тяжёлым. Работники соляных промыслов и потели соляными рассолами, и плакали солёными слезами. Соль стояла в воздухе, оседала на одежде, на лицах и, конечно, на ушах грузчиков-соленосов, которые перетаскивали на спинах огромные кули с драгоценной пермянкой. Она сыпалась им на голову и за шиворот.

Отсюда и поговорка «Пермяк – солёны уши». Времена те прошли, а поговорка осталась.



Узнай пословицу

Задание: прочитай пословицы и поговорки коми-пермяцкого народа и попробуй вспомнить, какие русские пословицы и поговорки соответствуют им.

Где живём, там и нужны.
Глаза боятся, а ноги несут.
Дважды подумай, один раз скажи.
Кто в рощу, кто в лес.
Лапоть сапогу не пара.
Не глиняный, не размокнешь.
По коню и сбруя.

Очень старые загадки

Задание: отгадай русские народные загадки.

1. Бежать, бежать – не добежать,
лежать, лежать – не долежать.
2. Видятся-видятся, а вместе
не сходятся.
3. Влезет в окошко – не прогонишь,
пора придёт – сам уйдёт.



4. Долог, тонок, сядет на траву – не видать.
5. Долгая Орина по мосту ходила, ключи обронила.
Месяц видел, солнце взяло.
6. Высокий Демид всё на солнце глядит.
7. В лесу родилась, на воде живу.
8. Что в руках не удержать?
9. Сидит кошка на окошке:
и хвост как у кошки,
и нос как у кошки,
и уши как у кошки,
а не кошка.
10. Маленький мальчишка
в сером армячишке
по дворам шныряет,
крохи собирает.
11. Не мышь, не птица,
в лесу резвится,
на деревьях живёт
и орешки грызёт.
12. Не портной, а всю жизнь с иголками ходит.

Андрей Зеленин

Найди народ

Венгерский кроссворд

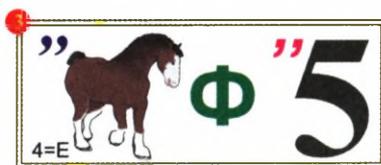
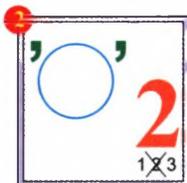


В сетке венгерского кроссворда зашифровано несколько народов, проживающих в Пермском крае. Название одного из народов разбито на несколько букв. Их нужно соединить, и полученное слово будет «ключевым».

Примечание. Слова при чтении «ломаются» под прямым углом и читаются по горизонтали и вертикали (но не по диагонали!). Все слова-ответы даны во множественном числе.

Отыщи полезное ископаемое

Разгадай ребусы – и ты узнаешь названия полезных ископаемых, которые добывают в Пермском крае.



Алая река

*...И течёт, набравши силу,
Кама, звёзды отражая,
Как сказанье о России,
Как судьба её большая.*

Алексей Домнин



Степан Караваяев

СВЕТЛЫЙ РУЧЕЁК

Перевёл с коми-пермяцкого Лев Кузьмин

Светлый, светлый ручеёк,
Напевая звонко,
Ты без тропок и дорог
Мчишься, как мальчонка.
Но когда сольёшься с Иньвой,
Станешь ты большой и сильный!

Чистый, чистый ручеёк,
Струйка золотая!
Дай-ка мне воды глоток,
Ведь она живая.
А как спрыгнешь в Каму с кручи,
Станешь ты рекой могучей!

Ручеёк, смешной малыш!
Знаю, в чём причина,
Почему ты к морю мчишь
Так неудержимо.
Там ты, поздно или рано,
Станешь братом океана.

A watercolor illustration of a child's face, shown in profile from the nose up. The child has large, dark eyes and is looking upwards. On their forehead, they are wearing a toy airplane with a white body and red and blue stripes. The background is a soft, light blue wash with some darker blue and purple tones, suggesting a sky or water. The overall style is soft and artistic.

Там большие корабли
Ты качнёшь спиною
И за ними вокруг Земли
Побежишь волною,
А потом до туч взовьёшься
И домой дождём вернёшься.

Альмира Зебзеева

Прикамье – край при Каме

Хочешь взглянуть на наш край с высоты птичьего полёта? Но высоко летает птица, а самолёт – ещё выше. Чем выше летишь, тем шире глазом охватишь. Поэтому полетим-ка мы на самолёте. Пристегни ремень – взлетаем!

Ну и картина! Зелёное покрывало лесов открывается нашему взору. Зелёное-то оно зелёное, но каких только оттенков тут нет: то оно изумрудное, то болотное, то синевой отливает, а то темнеет до черноты, а среди этого тёмного вдруг мелькнёт светлый-светлый лоскуток луговой поляны...

Но и это ещё не вся красота. Увидим мы, что на зелёное лесное покрывало словно густая голубая СЕТЬ накинута. Где-то она тоненькая, а где-то потолще. Где-то её нити выются-переплетаются, а где-то разбегаются далеко. Опустимся чуть ниже – и заметим: а сетка-то дырявенькая! Вот тут её ниточки связаны – тонкая с толстой, но тоненькие кончики оборваны, болтаются сами по себе, и всё тоньше, тоньше... Приглядимся ещё – и увидим, что прямо посреди этой сети уже и не нитка голубая, а целый канат, толстая верёвка.

Нет, пожалуй, это не сеть. Это скорее... ДЕРЕВО!

Один мальчик поглядел вот так и говорит:

– На червяка похоже. Жирнющий, извивается, а к нему прилепилось много маленьких и тонких червячков.



Сравнение, конечно, яркое, но довольно противное. С деревом сравнивать всё-таки приятнее. Да и точнее: вот ствол, а от него идёт много ветвей и веток с сучками и сучочками. Только дерево наше – помнишь? – голубое. Потому что это – правильно! – реки.

Ствол дерева – главная река, ветки – реки-притоки, ветки потоньше – притоки притоков, совсем маленькие речки.

Наша главная река – Кама. Она течёт через весь наш край. Потому и называют его ПРИКАМЬЕ.

Каким ключом открывается Кама

Бежит-бежит себе Кама широко и привольно, а потом впадает в Волгу, и Волга несёт её воды в море. Кама – приток Волги.

Хорошее слово «приток»: притекла вода, принесла свои воды старшей сестре, большой реке – бери, не жалко, мне другие малые речки да речушки, ручьи и родники ещё дадут.

И вот тоже хорошее слово – «исток». У каждой реки обязательно есть тот родничок, с которого она начинается, откуда истекает. Начало всякой реки и называется истоком.

Исток Камы находится не в нашем Пермском крае, а у соседей – в Удмуртии. Там, недалеко от села Карпушата, из-под корней старых берёз бьют холодные прозрачные родники – ключи. Люди построили здесь деревянный сруб с двускатной крышей и сделали отводы, чтобы вода родников собиралась в один ручеёк.

Это и есть КАМСКИЙ КЛЮЧ.

Течёт ручеек по деревянным колодам, по маленьким запрудкам, потом по дну неглубокого ложка, встречается с другим ручейком – Быструшкой. И теперь это уже не ручейки, а самая настоящая речка. Правда, пока она маленькая и тонкая, как вершинка большого дерева.



Какими бывают реки

По длине учёные делят реки так:
до 10 километров – это самые малые,
до 25 километров – очень малые,
до 100 километров – просто малые,
до 500 километров – средние,
до 1000 километров – большие,
больше 1000 километров – очень большие.

Знать надо, а запоминать не обязательно. Кама у нас – очень большая, Чусовая – просто большая, а ещё в Прикамье сорок средних рек, около двадцати девяти тысяч малых и тысяча четыреста очень малых. А самые малые никто не считал.

Интересно, а на берегах какой реки живёшь ты – малой, средней или большой? Или самой большой? Не забудь: чтобы ответить на этот вопрос, надо знать длину реки.



Какой у реки характер

У каждой реки свой нрав.

Одни текут по ровному месту. Такие реки несут свои воды бесшумно, плавно.

Другие – горные, быстрые, шумные. На таких реках можно встретить водопады, пороги, перекаты.

Одни – полноводные, а другие и летом пересыхают, и зимой промерзают.

В одних речках виден каждый камушек на дне, а в других вода мутная, коричневая от близости болот или зелёная от множества мелких водорослей. В таких на дне ничего не разглядишь.

Некоторые реки когда-то были прозрачными, а стали мутными и грязными. Виноваты в этом не болота и не водоросли, а люди. Это они сливают в воду что попало и бросают разный мусор. Из такой реки уже не только не напьёшься, в ней и не искупаешься – иначе выйдешь из воды весь в мазутных пятнах. Рыба в такой реке поболает – поболает да и вовсе перестанет водиться. Жалко речку.



Как реку зовут

Иногда – никак. Нет у речки имени, и всё тут. Порой её так и называют – Безымянка.

Но таких Безымянок немного. Почти у всякой реки, как и у всякого человека, есть имя. Правда, человеку имя дают наугад: ещё неизвестно, каким он вырастет, а его, например, Львом назовут. Река же – вот она, готовенькая: вот какие у неё берега, а вот какая вода, вот как она течёт, вот кто в реке живёт, вот какой у неё характер... Отсюда и названия.

Например, Сосновка, Пихтовка, Берёзовка, Ольховка – понятно, что по берегам здесь растут сосны и ели, берёзка или ольха. Лесов у нас много – много и рек с лесными названиями.

Много в наших краях полезных ископаемых, руд и солей разных – вот тебе Усолка, Солёная, Рассольная, Солянка.

Часто пересыхает речка, а то и вовсе в подземные пустоты прячется – значит, Суходол, Дыроватиха...

Гнилуха, Болотная, Чёрная – легко догадаться, что эти реки питаются болотными водами.

Рыбная или Хариусная, Кривая или Быстрая, Малая или Большая, Тихая или Буйная – тоже понятно, откуда имя взялось.

А вот это непонятно: Сылва, Лысьва, Пожва, Ошва... Непонятно тем, кто не знает коми-пермяцкого языка. «Ва» – по-комипермяцки «вода», а первый слог расскажет, какова эта «ва»: Лысьва – «река, текущая через хвойные леса», Пожва – «мутная вода», Ошва – «медвежья вода», Чусовая или Чусва, как её называли когда-то, – «быстрая вода». Имена многих рек пришли из языка народа, который жил здесь в древности или теперь живёт.

Некоторые названия повторяются довольно часто. Например, можно встретить у нас в крае почти двадцать Берёзовок, больше пятнадцати Чёрных и около десятка Рассох.

А Кама – одна-единственная.

Кама, Сылва, Вишера, Чусовая... А ещё есть Камыш, Барабан, Кукотка, Бурёнка, Плясовая, Вакса, Алмаз, Горожанка, Бандероль, Бабка, Мулянка, Муравей... Думаешь, это стадо коров? Или стая голубей? Нет, это названия пермских речек. Почему – наверное, сейчас уже не доискаться. Зато весело!

А как называется река, на которой живёшь ты? И почему? Не знаешь – непременно постарайся узнать.



Алексей Решетов

* * *

...Эта речка не бурлила
И в болото не текла,
Эта речка всласть поила
И награды не ждала.
Помню с тропами витыми
Берег. Лес на берегу.
Только имя, речки имя
Что-то вспомнить не могу.
Помню, как мосточком узким
Проходили, чуть дыша.
Имя? Имя было русским
У речушки. Как душа.

* * *

На траве золотистые блики,
Ствол сосновый в душистой смоле...
И румяной щекой земляника
Прикоснулась к нагретой земле.
И над Камой, жарой опалённые,
Низко-низко склонились кусты.
Им бы сбросить рубашки зелёные
И поплыть, обгоняя плоты...



Ёрш – рыба кунгурская

Знаменит уральский город Кунгур тем, что он с давних времён стоит, а ещё больше мастерами своими славится.

Не последним в Кунгуре мастером был резчик Иван Лёгкая Рука. Что ни выходило из его рук – всё словно не каменное и не костяное. Цветок сделает – как живой горит и будто пахнет. Оленя сработает – вот-вот затопчет олень копытами. Птицу вырежет – из рук выпустить страшно: улетит!

Так однажды сидел он и ерша из бараньего рога вырезывал. Работа как работа. Только замечает Иван: костяной ёрш вроде шевельнулся в руке. И лишь кончил Иван работу – ёрш плавники растопорщил и жабрами повёл. Глазом живым взглянул на Ивана и выговорил:

– Отпусти меня, мастер, в реку!

Иван так и ахнул! Виданное ли дело, чтобы рыба говорила, да ещё не простая, а костяная?

А ёрш как ни в чём не бывало речь свою дальше ведёт:

– Не дивись, мастер, что заговорил я. Ничего в том мудрёного нет. А дивись мастерству своему. Я ведь у тебя живым удался. Отпусти меня в реку.

– Не пущу, – молвил Иван. – Не было ещё мне такой удачи.

А ёрш одно твердит:

– Сделал рыбой – пусти в реку.

Согласился тогда Иван отпустить ерша на малый срок.

А ёрш слово дал своё нерушимое вернуться через месяц и один день.

– Мне бы только кругом осмотреться, с другими ершами подраться да помириться. Я на дело скорый, – сказал ёрш.

Положил его Иван в фуражку и к реке отправился.

Все встречные-поперечные, прохожие-проезжие с мастером Иваном здоровались. Любопытствовали:

– Куда, Иван Лёгкая Рука, идёшь? Чего в фуражке несёшь?

Всем он отвечал:

– Иду на реку, несу рыбу в воду пустить.

Смеялись люди. Думали, шутит мастер. А того не видели, как Иван, к реке подойдя, бросил костяного ерша в воду – только булькнуло.

Очутился ёрш в воде. Обрадовался. Туда-сюда плавает. Рот открывает да покрикивает неслышным рыбьим криком:

– Эй, выходи! Покажись, кто смелый!

И тут из глубины зелёной выплыла царь-щука. С бревно толщиной. Глазища у неё – с тарелку каждый. Глядит на ерша, не мигает. Разинула щука пасть, показала свои зубы острые в два ряда и говорит:

– Полезай сюда! Или порядков моих не знаешь?

А ёрш глазишки свои растарачил, плавнички растопорчил и отвечает лихо:

– Я ёрш не простой, а костяной. Не боюсь я тебя!

Схватила щука ерша поперёк – передних зубов как не бывало. Схватила вдоль – и второй ряд посыпался.



Взвыла царь-щука неслышным рыбьим воем. Потом прошамкала жалобно:

– Ёрш Ершович, пошто пришёл?

– Вот тебе, царь-щука, моя воля: ершей впредь щукам не хватать, не глотать.

Позвала царь-щука всех щук, щучек и щурят подначальных, указ-приказ объявила охранный. Повелела она по всем рекам и озёрам, прудам и морям ершей впредь не трогать.

Поплавал костяной ёрш в реке. Кругом осмотрелся, с другими ершами подрался, а там и срок его пришёл.

Ровно через месяц и один день всплыл ёрш на том самом месте, куда Иван Лёгкая Рука его в воду бросил. Всплыл он и видит: стоит на берегу Иван, дожидается.

– Эх, мастер! – сказал ёрш. – Кругом я осмотрелся, с другими ершами подрался, а помириться не успел. Дай мне ещё в реке пожить.

То ли оттого, что совестился Иван Лёгкая Рука рыб в банках томить, как птиц в клетках, то ли по душе ему пришлось, что ёрш слово своё сдержал, а только махнул он рукой и отпустил его навсегда.

С тех пор в той реке щуки ершей совсем не едят. А в других реках, озёрах, прудах и морях – опасаются.



Валентина Телегина

Быстрина

Вот он, омут, тихий омут,
Вот пристанище чертей,
Где в воде коряги тонут,
Ходят щупальца корней.

Глубина его до дрожи
И темна, и холодна.
Бросишь камень – не похоже,
Чтобы он дошёл до дна.

Над обрывом корни виснут.
А в глубинах, невесом,
Философствует о жизни,
В ил укрывшись, старый сом.

А подальше, там, где речка
В свете солнца зелена,
И кружится, и лепечет
В белой пене быстрина.

Там и ветер свищет резче,
И слезою застит взор,
И бежит, бежит навстречу
Ослепительный простор.



ЛЕТНЯЯ МЕТЕЛЬ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Уха закипала в походном котелке. Потрескивал костёр. Мы сидели с отцом на берегу Сылвы и любовались огромной луной, восходящей над лесом. Была тёплая июньская ночь.

Луна уже забралась на самую высокую ёлку, как вдруг со стороны реки донёлся слабый шорох. Ещё через мгновение осока, темневшая вдоль берега, покрылась белым налётом. Затем и над рекой поднялась белая рябь.

Что происходит, стало понятно, когда на нашу одежду начали садиться небольшие бабочки. С каждой секундой их становилось всё больше и больше. Фуражка на голове отца вскоре превратилась в белую мохнатую чалму. Через минуту он весь походил на большого пушистого цыплёнка. Отец смотрел на меня и улыбался: видно, и я был такой же.

Бабочки были повсюду. Земля и деревья вокруг, словно по мановению волшебной палочки, покрылись «снегом». В воздухе кружила живая метель.

Но чудо продолжалось недолго. Вылет бабочек подёнок закончился так же неожиданно, как и начался.

Такое можно увидеть только раз в год! Теперь личинки подёнки будут жить в реке и только на будущее лето, в одну из таких же тёплых ночей, выйдут на берег, превратившись в маленьких белых бабочек.

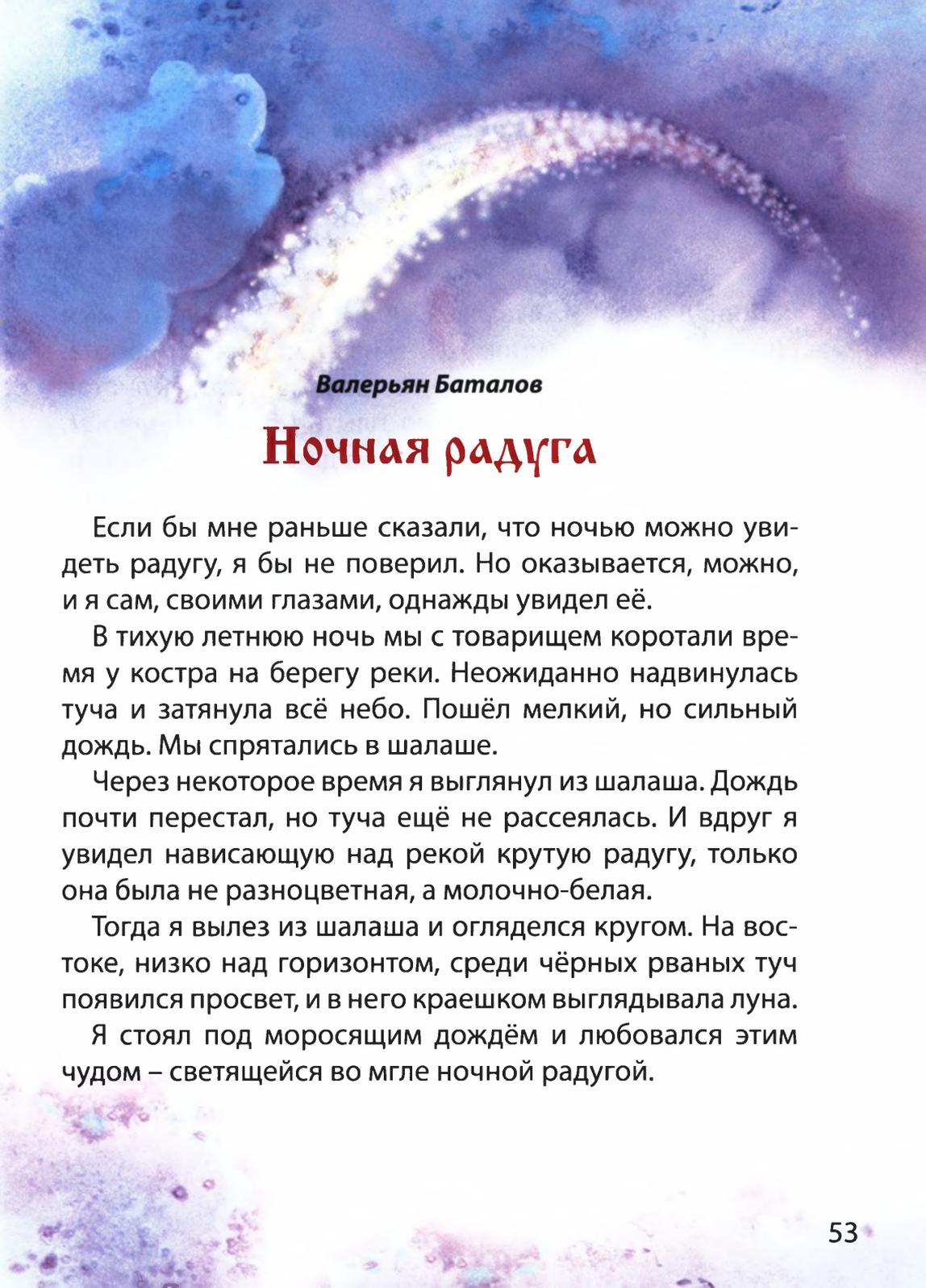
Мы долго не могли опомниться. Будто к тайне прикоснулись.



Лев Кузьмин

Алая река

– Куда исчезли дети?
– Они ушли туда,
Где розовое небо
И алая вода!
– Но как это случилось?
Ведь небо и вода
Считались голубыми
И синими всегда...
– А получилось просто!
Сегодня малыши
С утра проснулись раньше,
Чем галки и стрижи.
Они дремать не стали
В постелях на боку,
А на рассвете встали
И сразу увидали
Розовое небо
И алую реку!



Валерьян Баталов

Ночная радуга

Если бы мне раньше сказали, что ночью можно увидеть радугу, я бы не поверил. Но оказывается, можно, и я сам, своими глазами, однажды увидел её.

В тихую летнюю ночь мы с товарищем коротали время у костра на берегу реки. Неожиданно надвинулась туча и затянула всё небо. Пошёл мелкий, но сильный дождь. Мы спрятались в шалаше.

Через некоторое время я выглянул из шалаша. Дождь почти перестал, но туча ещё не рассеялась. И вдруг я увидел нависающую над рекой крутую радугу, только она была не разноцветная, а молочно-белая.

Тогда я вылез из шалаша и огляделся кругом. На востоке, низко над горизонтом, среди чёрных рваных туч появился просвет, и в него краешком выглядывала луна.

Я стоял под морозящим дождём и любовался этим чудом – светящейся во мгле ночной радугой.

Михаил Осоргин

Ася

(Из рассказа «Кама»)

Лодочка моя называлась «Ася». Сам вывел это имя синей краской по серому фону на носовой части борта. Лодочка-плоскодоночка, вертлявая и лёгкая, как листок серебристого тополя. Можно плыть на ней и вдвоём, но тогда рулевой должен сесть на дно и вытянуть ноги, иначе лодка может перевернуться... Лавочка одна, для гребца, да ещё низкое сиденье на корме, нужное, когда гонишь лодку на одном кормовом весле. Руля же на таких лодочках не полагается.

И на этом тополёвом листочке, с одним кормовым веслом в руках, переплывал я Каму ещё мальчиком, от берега до берега, минут в восемь, в десять.

Лодочка перекачивается с волны на волну, любая её подбрасывает, только гребешки иногда хлопают через низкий борт. Всегда весело, лишь держи равновесие и не теряйся. С берега смотрят и думают: ну, пропал пловец! А пловец с одной волны скатился – а на другой вынырнул, немного бочком, чтобы не зарывался нос.

Наляжешь на вёсла – и опять выплыла «Ася» на середину великой нашей реки, на зеркальную крышу бездонной пропасти. Тут хорошо лечь на дно лодки и плыть по течению, смотря в небо: там тоже лёгкими лодочками плывут в лазури белые барашки. Лёжа на дне, руки



перекинешь через борт, чтобы ласкала пальцы камская вода.

А в ветреную погоду я брал с собой большой дождевой зонт о четырнадцать спицах: лучше всякого паруса. С ним «Ася» летела стрелой и против течения, и наперерез Каме. Часто так катался, пока однажды ветер не вырвал у меня из рук тяжёлый зонтик и не унёс его парашютом. Тут уж вёсла не помогли: едва догнал, как зонт, повернувшись кверху ручкой, погрузился в воду, только я его и видел. Пришлось сделать из старой простыни прямой парус, с таким расчётом, чтобы при сильном порыве ветра можно было отпустить его трепаться по воздуху свободно, а то мигом перевернёт лодку.

Кама, леса прикамские... Пароходы, лодочки, водяная гладь...

Но далёк тот берег. Как детство, как «Ася», как рябь нехитрых воспоминаний.

Клад

(Из рассказа «Земля»)

- Папа, откуда берётся дерево?
- Из семени.
- Так ведь семя маленькое, а дерево вон какое; остальное-то откуда?
- Остальное из земли, из её соков.
- И листья, и ствол, и всё?
- Всё, Мышка, из земли. И дерево, и ты, и я... А вот пойдём-ка лучше копать родник под горой.

В деревне мы жили на холмике, а по ту сторону за речушкой был лес, взбегавший в гору... По опушке этого леса мы часто бродили, и любимое занятие отца было открывать новые родники светлой и холодной воды. Одно место он облюбовал на склоне горы между лесом и деревней: там была густая трава и кустарник, свежий и пышный, окружал крохотную покатуку полянку: тут непременно быть скромному роднику!

И вот отец берёт заступ, а я малую лопату, и потихоньку ускользаем из дому, а то мама скажет: «Опять перепачкаетесь и Мышка ноги промочит. Что за страсть копать в лесу землю, точно клад ищете!»

Отец на пути говорит:

– А ведь это клад и есть. Не было воды, и вдруг – вода! И какая вода – чистая, холодная, как лёд. Правда, Мышка?

Уж, значит, правда, раз папа говорит. У него улыбка добрая и немного насмешливая.

Пробирались в кольцо кустарника, и отец внимательно осматривал почву:

– Быть тут ключу живой воды!

Земля мягкая, как сыр; только корни трав прорезать. Городским башмаком налегает отец на заступ, я смотрю. Как это он всё знает: только вырыл яму... ровненькую и аккуратную, как сразу же начинает ямка наполняться водой, правда грязной. Но эта сбежит – дальше будет чистая. От ямки отец прокапывает канавку по скату холма, и тут начинается работа для меня: убрать землю подальше, перемазаться и промочить ноги. Всё удивительно удачно.

– Папа, а как ты угадал?

– Видишь: внизу есть болотце. Откуда ему быть? Значит, в горке скрытый ключ. Вот мы до него и докопались.

– Нужно будет укрепить землю, – говорю деловито.

Дело мне известное. Чтобы новый родник не затянуло землёй, мы укрепляем землю в ямке кольями, переплетаем ветками, а потом... поставим желобок для стока.

...Наш ключ светел, вода процежена через землю, холодна и сладка. Уже на другой день не останется в ней никакой мути.

Так мы открывали клады.

Всё бежит – и всё изменяется

(Из книги «Времена года»)

Когда мой отец приезжал в деревню, мы шли с ним к роднику и пили воду из резинового стакана. «Ты знаешь, куда бежит эта вода?» – «В речку». – «А из речки?» – «В Каму». – «А из Камы?» – «В море». – «Ну а из моря?» – «Из моря куда-нибудь в океан». – «Может быть, она и добежит до океана, а может быть, просто – смотри! – и он показал мне на облако: – Вон она возвращается к нам!»

И я знал и знаю, что всё возвращается и снова уходит, что гибнет растение, но возвращается в зерне; что путь пролетевшей пчелы повторит другая, что вечен перелётный возврат птиц...



Наталья Чебыкина

Княженика

Когда я осознала мир
В деревне возле Камы,
Лежала Русь и вдаль и вширь
Лесною панорамой.

Шуршал камыш. Стреляли влёт
Мы с братом уток диких.
Тогда росла вкусней, чем мёд,
Лесная княженика.

Тогда всё было точно так,
И на пороше первой
Лисицы, красные, как мак,
Паслись у птицефермы,

Ступал величественно лось
И не боялся крика.
Давно то время пронеслось,
Исчезла княженика.

Исчезла ягода-княжна,
На зорях лист настоян.
А нам казалось, что она
Жар-птица в травостое.

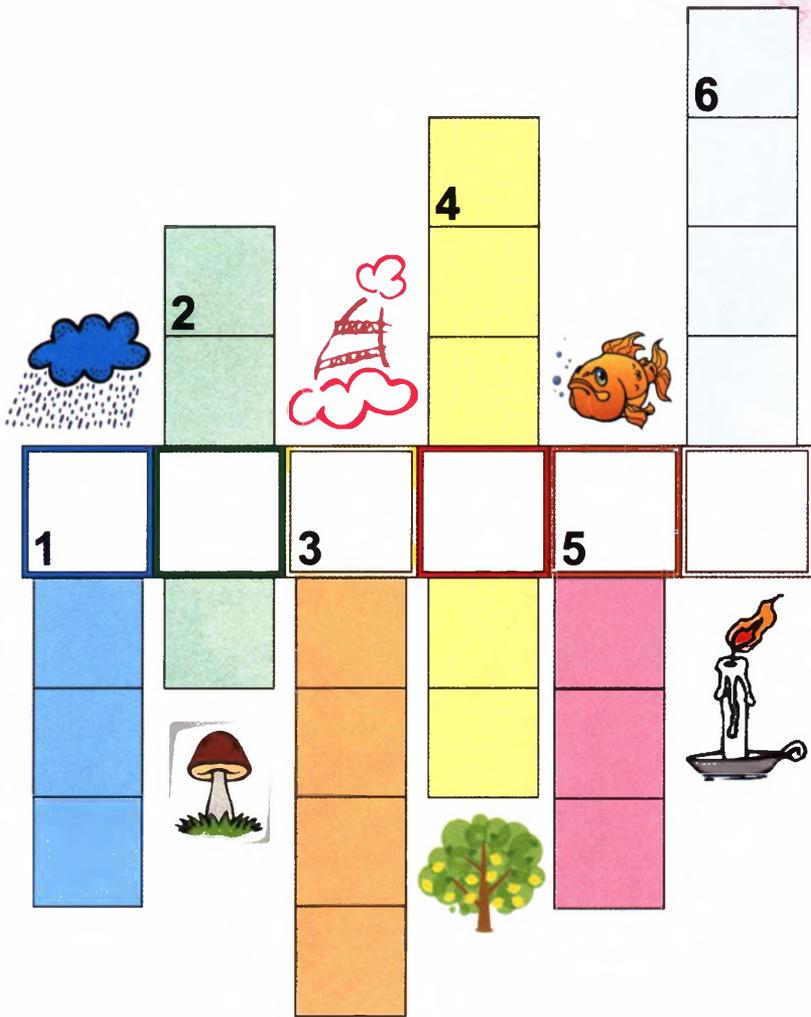
Андрей Зеленин

СЕВЕРНАЯ КРАСАВИЦА

Загадки

Разгадай загадки, а отгадки впиши в соответствующие клетки. Если отгадки правильные, в выделенных клетках «проявится» название одной из самых красивых северных рек Пермского края. Эта река – приток Камы. Её длина – 415 километров!

1. Падала снегом, стала ручьём,
В пар превратилась солнечным днём.
2. Уродился крошка:
Шляпка да ножка.
На крошку глядят –
Берут да едят.
3. Шляпки, панамки, косынки – подружки
Той, что зимой согревает нам ушки.
4. В земле ногами,
В небе руками.
5. Хоть с хвостом, а не кот.
Сама в речке живёт.
А коту попадается,
Так котом и съедается.



6. Стройна девица:
 Как загорится –
 Головой сияет,
 Ростом убывает.



ВОЛШЕБНАЯ КНИГА ПРИРОДЫ

*Когда топорами стучат по берёзам,
Когда под копытами падает озимь,
Когда исчезают из Книги Природы
Весёлые птицы и ясные воды,
То мне самому, как природе, несладко:
Душа – как пустая бобровая хатка.*

Алексей Решетов



Борис Гашев

Л

(Из «Азбуки»)

Мешок дорожный я надел
И вышел в час рассвета,
Чтоб научиться букве «л»
У леса и у лета.
Там пел ручей, там луг пестрел,
Там ландыш пахнул нежно.
И луг – на «л», и «луч» – на «л»,
И лес – на «л», конечно!
Я букву «л» сквозь листья ив
Пил из ключа на пробу –
Как ледяной воды извив,
Она щемила нёбо.





Виталий Бианки

ВУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне.

Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили февральские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец через несколько дней я, проснувшись утром, увидел в окошко ясное голубое небо. Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил на двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от блеска белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там наметло такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс.

Пришлось направиться вдоль по реке. С неё, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лёд.

Птиц не было нигде. Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на её крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нём слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу чёрное пятно. Оказалось, что это мёртвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав сбитые ветром крылья.

Я поднял её и осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всём теле её не было ни следа раны или ушиба. Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую, крепкую птицу, замёрзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы погибли в эти дни. Наверно, мне удастся ещё сегодня поймать какую-нибудь полумёртвую птичку. Я снесу её домой, обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли, невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю её, у самой воды, прыгала белогрудая птичка. Она дёргала коротким хвостом и заливалась на все лады самой весёлой песней.

«Вот сумасшедшая! – подумал я. – Как она может радоваться в такой мороз?»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе рассмотреть её. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой. Одно мгновение я ещё видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела в воде. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и открытым ртом.

«Утопилась!» – мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро. Утопленницы нигде не было видно.

Слёзы навернулись мне на глаза. Я прибежал домой, к отцу, с мёртвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогрудую птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне сейчас же выкинуть, а над моим рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного, и очень сердился на отца.

– Дурачок! – сказал он. – Ведь это была оляпка. Она вовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

– Неправда! – горячился я. – Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как её утянуло под лёд. Течение там такое быстрое...

– Ну вот что, – остановил меня отец, – беги-ка опять на то место, где ты её видел. Она будет там. А если её там нет, значит, неподалёку от первой проруби есть вторая. Через неё оляпка и выскочила, нырнув от тебя под лёд.

Я опять побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась

в прорубь нарочно, значит, есть ещё надежда, что моя белогрудая птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошёл к ней и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчание ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на тонких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, точно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, словно пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась немножко, на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой проруби. Я с трудом верил своим глазам. Мне всё хотелось ещё поближе рассмотреть её. Несколько раз подряд я заставлял её кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал ещё тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица погружается в воду, воздух пузырится на её жирных перьях и блестит.

Наконец ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил её. В хорошую погоду я отправлялся на реку следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид у неё был такой весёлый, словно мы играли в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали её водяным воробьём.

В конце зимы снова затрещали морозы, ещё крепче февральских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать её, прежде чем я находил её где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у неё был грустный и недовольный. Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону.

И вот, наконец, настал день, когда она улетела с этого места: проруби замёрзли. Лёд мешал оляпке нырять в воду за жуками.

Я очень тревожился о своей белогрудой приятельнице. «Может быть, – думал я, – она лежит теперь где-нибудь в снегу, как та ворона, что я нашёл на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

– Скорее всего, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает даже в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки.

Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошёл вдоль реки.

Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шёл, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струёй хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном водовороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья.

Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду. Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал её серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что случилось с оляпкой. Но я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чём не бывало усеялась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно её голоса. Но по её движениям я понял, что она поёт свою весёлую песенку.



Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уверен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему тёплый. Солнце припекало, и вокруг меня с лёгким звоном рушился снег. Был уже конец февраля. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими весёлыми мыслями бежал я домой. У знакомой проруби мне вдруг пришло в голову: хорошо бы попробовать, очень ли холодна вода, в которой так любит купаться оляпка. Недолго думая я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лёд, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом. Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесия, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный выскочил я на лёд и, стуча зубами от холода, сломя голову помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слёг в постель в сильном жару. Я проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне ещё досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

– Только сумасшедшие, – говорил отец, – нарочно лезут в воду зимой...

– А оляпка? – перебил я.

Отец рассмеялся и больше не стал бранить меня.



Луплёный Бочок

Думаете, все зайцы одинаковые, все труссы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроём: сынишка, я и Джим. Джим – это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцей. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью: уже лист с деревьев падал, а дождей больших ещё не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под

ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу: Джим залаял, залаял в кустах – и замолк. «На кого это он?» – думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там и кричит мне из кустов:

– Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я – к ним. И вижу: Джим лежит врастажку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними – и не знает, что ему делать.

Я подошёл, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот – он ещё пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

– Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня, такого маленького, обижать!»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то эдакое кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени упёрся и лижет зайчонка: успокаивает его – что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

– Смотри, папа, у него левый бочок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа – с пятак кружок.

– Эге! – говорю. – Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он у дяди Серёжи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке: во всю спину, а по бокам – пуговицы. Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло – он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Серёжа – приятель мой, тоже охотник, живёт на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад, совсем ещё крошкой, у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков.

У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда ещё снег корочкой – наст. И называются они настовичками. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут – листопадничками.

Дядя Серёжа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему. У него, у дяди Серёжи, не так давно оценилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он ещё раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая Клеопарда совсем с ума сойдёт, на всех начнёт кидаться. Дядя Серёжа и приду-

мал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала. Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла – щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка, своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. От такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмыша кости глотать и мясо есть – её собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не допускала: ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злюка сшибёт с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок выросл быстро. Зайчихи своих детей



и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже «большим» считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всём ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места – и он за ней. Она на собаку – и он тоже.

Она куснёт – и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние – видели зайцев? – длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснёт – из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу – кусаться. Храбрый волчонка стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишку.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком. Щенок подбежал к ящику – зайчишка. И кинулся на него.

Собака, конечно, не то, что заяц. Если по-заячьи двухнедельный зайчонок уже «большим» считается, то у трёхнедельной собачонки ещё только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, и он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал – не приходилось ему ещё на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватя его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он за бок.

Ну, конечно, шерсти клочок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, а удержать не смог. Зайчонок как вскочит, как махнёт с перепугу через ящик – только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала – пришлось щенку поскорей убираться со двора под добру-здорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык лучше всякого лекарства и раны залечивает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор – и в лес.

Да вот трёх дней не прошло, Джим наш его в лесу поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

– Ну вот, – говорит. – Ты его, значит, дяде Серёже несёшь. А я думал, он у нас поживёт...

– Что ж, – говорю. – Сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол под лавку – и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:



– Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

– Глупенький, мы же люди, – объясняет ему сынишка, – мы тебя не обидим.

А зайчонок изловчился – и цоп его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котёнок – у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка – подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт! Котёнок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слёзы улыбается:

– Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место – у него свой матрасик в углу. Джим очень устал, ведь целый день по лесу бегал, дичь искал старичок.

Смотрим, Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким, – да всё-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём: Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезать боится.

Я сынишку спрашиваю:

– Ну что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец и говорит:

– Знаешь что? Пойдём лучше отнесём зайчонка дяде Серёже насовсем.

Так мы и сделали. Ну как, в самом деле, такого скандалиста дома держать?! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим – и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

– Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли. Пришлось в лес нести. Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг – и в кусты. Даже «до свиданья» не сказал.

Вот какие зайцы бывают.



Николай Бурашников

ОСЕННЕЕ УТРО

Жёлтые осенние поляны.
Тихие багряные осины.
Высохшие тощие пиканы.
Серенькие заросли малины.

Как сугроб, туман лежит в лощине.
Между кочек первый хрупкий лёд.
И над всем над этим синий-синий,
Бесконечно синий небосвод!

* * *

Листопада словно не бывало.
Как прошёл он – я и не заметил.
Всю-то ночь куражил тёмный ветер
И собака Динга завывала.

По окошку шебуршали ветки.
Думал: утром встану – обломаю,
Дам собаке Динге нагоняю,
Из-за вас тут не уснёшь вовеки.

А наутро стало тихо-тихо.
Злости нет. Сад в инее белёсом.
Сорван лист и по земле разбросан.
И, хвостом виляя, с мокрым носом
Льнёт к ногам моим собака Динга.



* * *

Хорошо, махнув на всё рукою,
В лес уйти тропинкой вдоль ручья
И на хвое палой под сосною
Крохотного встретить муравья.

На ладонь, как будто на крылечко,
Он взойдёт под тихий скрип сосны.
В детстве с этим мудрым человечком,
Помню, говорить умели мы...



Анатолий Тумбасов

Телеграмма

В лесу такая тишина, что слышно, как пробуждаются ручьи, перекатывая подо льдом воздушные пузырьки.

Прилетел дятел и заторопился: тук-тук-тук... Он усердно стучал на вершине, а в стволе отдавалось.

Тук, тук-тук, тук-тук, – выстукивал дятел. – Точка, тире, тире.

Да это же телеграфная азбука – буква «в»! Точка – «е»; точка, точка, точка – «с»; тире, точка – «н»; точка, тире – «а».

– Весна! – сообщал дятел.

Прилетел другой, согнал телеграфиста и тоже начал выстукивать: точка, тире, тире – значит «в», точка – «е»...

И этот подтвердил:

– Весна!



ВРЕМЯ ЛЕТЕТЬ

Наступают такие дни, когда кажется, что всё куда-то летит. Летят зонтики-пушинки, семена-ветродуйки, летит пух с перезревших тополиных серёжек, летят мошки, летят птицы, летят облака...

В тополях – молодой грачонок. Он только что выбрался из гнезда и сделал свой первый шаг. А теперь тоже собирается лететь. Но не вверх, а вниз. Грачонок заглядывает под своё чёрное брюшко и топчется на ветке: боится.

Да коли вылез из гнезда – значит, переступил порог: надо лететь. И-и, была не была, сорвался с ветки.

По-о-лете-е-л!

ПОХВАЛЮШКА

Гроза откатилась, и лес ожил. Первой подала голос иволга, она будто сыграла на флейте. Потом запели ещё и ещё какие-то птицы. А одна уселась на вершину берёзы и:

– Чвичи-вичел, чвичи-вичел...

Словно спрашивала: «Чечевицу видел?»

Раньше я не видел чечевиц, да и увидеть их не так просто. А здесь она на виду. Огненно-красную головку и грудку будто опалило зарёй.

Чечевица поворачивалась то в одну сторону, то в другую и спрашивала:

– Чечевицу видел?

– Видел, видел, – улыбнулся я. – Красивая!



Мои соседи

Над калиткой пристроен скворечник. Давно висит птичий домик, выгорел на солнышке и стал не серый, а серебряный.

Всякий раз, когда открывают калитку, из скворечника высовывается воробей. Если идёт женщина, воробьи остаются в домике. А если бегут ребята, птицы отлетают на черёмуху и скрываются там. Я же для них озорной: как прохожу к калитке – барабаню пальцами по шесту: дома ли соседи? Высунется воробушек и тихо так: «Чви». Дескать, здесь.

Я догадываюсь: это воробьяха. Она серая и маленькая. А у воробья коричневая грудка и более громкое «чви». Будто он спрашивает: «Кто там?»

– Свои, свои, – отвечаю тогда я и закрываю калитку.

Но однажды ни воробей, ни воробьяха не встретили меня. Я побарабанил по шесту и услышал слабое чвиканье. Появилось потомство!

Теперь воробью с воробьяхой ни до кого нет дела: они весь день в поисках корма.



В дорогу

Солнечным августовским утром городские ласточки собрались на высоких крышах. Птицы облепили антенны и расселись на проводах, шумно сговариваясь к отлёту.

Ласточки перепархивали, а иные под общий гам летали по кругу и усаживались, вытесняя других: а ну-ка, дескать, покажись, какова ты на крыле!

Сборы в дорогу – это, конечно, праздник и большие хлопоты.

Мало-помалу птицы уgomонились. Лишь две-три ласточки перелетели ещё – должно быть, напутствовали. Наконец и они нашли себе место. Ласточки умолкли. Так бывает у людей: соберутся в дорогу, присядут на минутку и помолчат.

И вот ласточки снялись, с криком разделились на две группы, разлетелись в разные стороны, снова сомкнулись и шумной стаей полетели на юг.

Зарянка

Моросит дождик, а я брожу по лесу в поисках осенних грибочков. Заглядываю под сосенку и вижу там птичку. У неё жёлтая грудка и черносмородиновые крупные глаза.

– А-а, зарянка! – обрадовался я встрече с птичкой, которая будит нас на ранней зорьке. – Ты почему же не улетела со всеми вместе на юг?

Птичка с настороженным любопытством смотрела на меня.

– Здравствуй, что ли!

Зарянка упорхнула. И началось: то она исчезнет, то опять объявится. Будто ведала, под какой сосенкой я буду искать грибы: заглянешь – она уже там. Сидит, а вокруг неё, как жемчужины, крупные капли на иголках.

Мне всё казалось: зарянка ждёт чего-то.

– Ну, что тебе? – спросил я.

Она нахохлила мокрые пёрышки, отряхнулась и порхнула на землю.

В жухлой траве пламенели ягоды костяники. Зарянка вытянулась, достала клювом костянику, ловко вынула её из зелёной оправы, посмотрела на меня. Больше я её не видел.

«Но отчего же она не в тёплых краях?» – размышлял я.

Оказывается, зарянки позже других птиц покидают родной лес. Летят на юг ночами, в одиночку... И вспомнилась мне костяника! Возможно, зарянка приглашала меня на прощальный ужин? А я не догадался.

Алексей Решетов

* * *

Первый снег, первый снег на дворе!
И следы птичьих лапок повсюду
Веселят, обращают нас к чуду,
Как когда-то слова в букваре.

* * *

Раздвигается валежник,
И, размером с ноготок,
Появляется подснежник,
Первый истинный цветок.
Расцветёт потом и роза,
И гвоздика, и репей.
Но всё это будет проза.
А поэзия – теперь.

* * *

Синий, синий колокольчик,
Как прекрасен звон его!
Только тот, кто не захочет,
Не услышит ничего!

* * *

Бабочка петь не умеет.
Может, умеет она,
Только от счастья немеет –
Так в этот мир влюблена.

* * *

Солнечные зайчики на траве лежат,
А над ними бабочки весело кружат:
– Поднимайтесь, зайчики, вместе полетим,
Из цветочной чашечки мёду поедим.

Иволга

Хворое солнышко еле встаёт,
Пасмурно в роще, но кто-то поёт.
Иволга!
Иволги... Это они
Свищут в такие ненастные дни.
Кожей гусиной покрылась река,
Дробью свинцовой стучат облака,
Ветер играет пеньковым гнездом –
Маленькой иволге всё нипочём!
– Фиу! – И дождь присмирел, перестал.
– Лиу! – И плёс хрусталём заблестал.
– Фитиу-лиу! – И в мире светло.
Иволга знает своё ремесло.



Михаил Смородинов

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

Мальчишкой-пятиклассником пришёл я впервые в кружок юннатов – юных натуралистов – при Пермском зоосаде. Среди моих подопечных были львёнок Таймыр, слониха Волна, медвежонок Машенька...

Из нашей школы в кружке занимались двое – я и Рита Худеньких, прозванная Спитон Пит: она наблюдала за питоном тигровым, большим любителем поспать после обеда. В дневнике наблюдений ей изо дня в день приходилось писать: «Понедельник. Питон спит. Вторник. Питон спит...» И однажды Рита вместо «питон спит» написала «спитон пит».

Много в те дни было смешного, много интересного.

Как медвежата в рысь превратились

В дирекцию зоосада пришёл охотник. Опустив на пол большой мешок, охотник спросил:

- Зверей принимаете?
- Смотря каких.

Мы столпились вокруг мешка. Сперва он был неподвижен, потом покатился по полу. Девчонки взвизгнули и опасливо отступили к директорскому столу.

– Звери у меня хорошие, – сказал охотник и развязал мешок. Из него тотчас выкатились два лохматых симпатичных медвежонка. Они испуганно таранились на

нас – вероятно, впервые увидели так много людей сразу, – жались к мешку, словно это была их берлога.

– Какие славные! – воскликнула Спитон Пит и бросила медвежатам кусок сахара.

Зверята осторожно подошли к угощению, и мы смогли получше разглядеть их. Только на первый взгляд они казались одинаковыми. На самом деле один был побольше и шерсть у него была темней. Этот медвежонок держался позади, но когда маленький захрустел



сахаром, старший зарычал и бросился отнимать лакомство. Сцепившись, медвежата покатались по полу, пока не стукнулись о тумбу письменного стола.

– Буян какой-то этот большой! – возмущённо сказала Спитон Пит.

– Характер у него и впрямь драчливый, – подтвердил охотник. – А второй медвежонок ласковый. Мои ребяташки его называли Машенькой.

– Буян и Маша! Так и надо их назвать! – загалдели юннаты.

Но директор умерил наши восторги:

– К сожалению, друзья, взять медвежат мы не можем. Понимаете, у нас на довольствии полный комплект медведей. Куда я ещё двоих дену?.. Вот если бы принесли рысь, с лапками бы взяли.

– Рысь? Поди-ка поймай её! А что мне с медвежатами делать? – вслух рассуждал охотник. – Соседи у меня за своих куриц боятся, а то бы я сам вырастил зверят.

– Не знаю, что посоветовать, а у нас медвежат девать некуда.

– Послушайте! – вдруг оживился охотник. – Значит, принеси я рысь, вы бы её приняли?

– С удовольствием.

– Рысь я вам доставлю, факт! Но тогда вы возьмёте и медвежат. Так сказать, в нагрузку. Согласны?

Директор начал было отказываться, но юннаты в голос принялись просить оставить зверей в зоосаде.

– Но медведей полный комплект! Что же придумать? – размышлял директор. – Когда вы привезёте рысь? Месяца через два, говорите? Ладно, будем считать, что вы

её уже доставили, и медвежата пока станут числиться под графой «Рысь». А потом что-нибудь придумаем...

Так медвежата Буян и Маша превратились в рысь, и их поместили в пустовавшую пока рысиную клетку.

...Буян оказался гораздо сообразительнее Машеньки и вскоре выполнял многие номера, которые Машенька освоила позднее.

В июле мы распрощались с Буяном. Его взял в свою труппу известный дрессировщик, артист цирка.

Стойка на голове

Охотник сдержал слово и привёз рысь. Спитон Пит рассказывала, что охотник был сильно поцарапан... Когда рысь пустили в клетку, она зашипела по-змеиному и бросилась грызть сетку.

– Маленькая, а свирепая! И как только вы её поймали?! – изумлялась Спитон Пит.

Машеньку перевели в медвежий загон, в одну из освободившихся клеток. Там ей понравились пахучие опилки. Машенька сгребала опилки в кучу и валялась на них, превращаясь из бурого медвежонка в жёлтого. У неё появилась привычка клянчить сладости. Обычно Машенька садилась в потешную позу, выставив задние лапы и обхватив их передними, и начинала раскачиваться. Иногда, слишком раскачавшись, она кувыркалась через голову.

...Однажды я собрался вывести Машеньку на прогулку. Войдя в клетку, я беспечно оставил открытым лаз. Я забыл наставления дрессировщицы: зверь может стать настоящим другом, но нельзя слишком его очело-

вечивать, потому что неизвестно, как он поведёт себя, если ты допустишь промашку.

Машенька спокойно стояла, пока я надевал на неё ошейник. Я хотел пристегнуть к кольцу на ошейнике карабин поводка и нечаянно попал карабином в пасть зверя. Медвежонок тут же сжал челюсти. Я охнул, вырвал руку. Из прокушенных пальцев текла кровь. Машенька испугалась сильнее меня. Через открытый лаз она бросилась вон из клетки.

Слома голову мчался перепуганный медвежонок по зоосаду. Я выбрался из клетки и побежал следом. Около амбулатории – зверино-го медицинского пункта – росла огромная липа. Испуг придал медвежонку храбрости и ловкости. Когда я подбежал к амбулатории, Машенька уже висела на верхушке дерева.

Я звал медвежонка, уговаривал спуститься, уверял, что ничуть не сержусь. Машенька глянула вниз, склонив голову набок. Вероятно, высота показалась ей ужасной, и она захныкала. Но спускаться не стала, лишь крепче обхватила ствол.

– Не переживай! Устанет висеть – спустится, – утешал меня ветврач. – Пойдём, забинтую тебе руку, а то всё зверей лечу да зверей. Тем временем медвежонок одумается.

Руку мне забинтовали, но Машенька и не думала спускаться. Она висела на липе и орала дурным голосом. Сунув в карман поводок, я стал карабкаться на дерево. Ведь медвежонок устанет, разожмёт лапы. А грохнуть с такой высоты – верная гибель. Я лез и удивлялся ловкости Машеньки: забраться на верхушку так быстро, как она,

никакой верхолаз не сможет. Только вот спускаться боится...

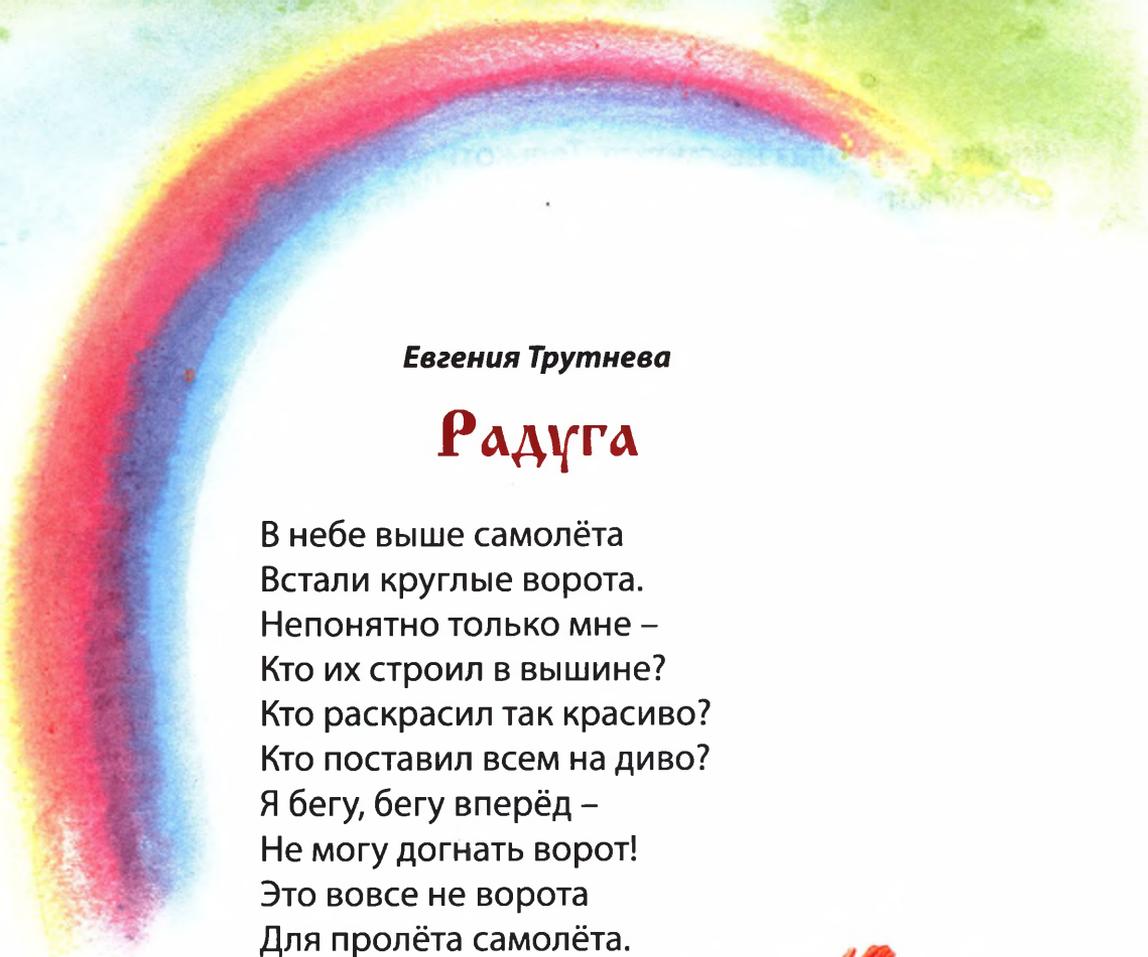
С трудом вскарабкался я на дерево и стал вновь уговаривать испуганного медвежонка. Глянул вниз – самому стало страшно. А спускаться – всё равно надо! Но Машенька не хочет. Тогда я влез ещё выше и стал щекотать медвежью чёрную пятку.

– Слезай, – говорю, – Машенька! Вдвоём не так страшно.

Отцепила она одну заднюю лапу и поставила мне на голову. Я едва держусь, а медвежонок лапой меня вниз толкает: устала Машенька висеть и решила мою голову использовать вместо опоры. Стал я потихоньку съезжать вниз. И медвежонок невольно тремя лапами перебирает, спускается, а четвёртой лапой на меня опирается. Как мы не грохнулись – до сих пор не пойму.

Кое-как добрались до земли. Я сел прямо на асфальт перед злополучной липой. Машенька подошла ко мне, легла рядом, голову положила на забинтованную руку. Пыхтит, глаза закрыла. Натерпелась страху: первый раз в жизни сделала стойку на голове. Правда, на моей...





Евгения Трутнева

Радуга

В небе выше самолёта
Встали круглые ворота.
Непонятно только мне –
Кто их строил в вышине?
Кто раскрасил так красиво?
Кто поставил всем на диво?
Я бегу, бегу вперёд –
Не могу догнать ворот!
Это вовсе не ворота
Для пролёта самолёта.
Это радуга-дуга
Закрывает облака
Ключиком-замочком,
Шёлковым платочком.



ХОДИТ СОЛНЫШКО ВЫСОКО

Ходит солнышко высоко,
Тяжелей летит пчела,
Налилась малина соком,
Падать в травы начала.
Ночью беглая зарница
Над покосами видна.
Золотистая пшеница
Стала гнуться от зерна.
Полон алой, крупной вишни
Молодой шумливый сад.
В сосняке маслята вышли,
Целый маленький отряд.
Белый гриб похож на пряник,
Сыроежки – всех цветов...
Солнце яблоки румянит
В тёмной зелени садов.
На покосах травы косят,
Грабли сено ворошат.
А в траве у старых сосен
Земляника хороша!
И черника стала зрелой –
В синих бусинках кусты.
Столько дела, столько дела
У ребят до темноты!



ОДУВАНЧИК

Пролетая белой птицей,
Таает облачко вверху...
Встал, стоит не шевелится
Одуванчик, весь в пуху!

Голова в прозрачной каске,
Листья острые с резьбой...
Он стоит как воин в сказке,
Сам любит себя собой.

Эхо

За рекой то тут, то там
Кто-то бродит по кустам.

Эхо, эхо, это ты?
Отвечает эхо: «Ты-ы!»

С чем ты ходишь там? Постой!
Эхо мне в ответ: «Пусто-ой!»

Я пойду, а ты сиди!
Эхо мне в ответ: «Иди-и!»

Перееду за реку!
Эхо мне в ответ: «Ку-ку-у!»

Я найду тебя в кустах!
Отвечает эхо: «А-ах!»

От меня не убежишь!
Отвечает эхо: «Ши-ш-ш!»



Наталья Ключарёва

ДЕТСКИЙ МИР РАСТЕНИЙ

Шиповник

В кустах шиповника хорошо скрываться, когда играешь в прятки. Можно, конечно, поцарапаться колючками, но это вряд ли: там внутри давно протоптаны безопасные тропинки.

Ещё это отличный домик для котят, щенят и прочих «дочек». А если бы взрослые снизошли к нашим мольбам и купили на рынке крохотного жёлтого цыплёнка, то и его мы бы поселили в куст, в коробке из-под обуви.

Шиповник съедобен. В середине лета в пищу идут большие круглые ягоды. Зелёные, они, честно говоря, не очень, но если дождаться, пока хоть один выпуклый бок побуреет, то в самый раз...



Акация

Акация в пору своего цветения всегда вызывает бурные споры. Одни рьяно доказывают, что есть надо сами жёлтые цветки; другие стоят на том, что съедобны их внутренние сладкие корни, спрятанные в зелёную чашечку у самой ножки.

Зато мелкие горошины съедаются единодушно. А после весь двор оглашается пронзительными свистками.

Маленькие стручки пищат высокими голосами, крупные – гудят басом. Кто-то умеет выдувать из них целые мелодии.

Но чаще всего акация используется как сигнал: завизжит у тебя под окном хор весёлых сопелок, когда ты под надзором бабушки, мучаясь, читаешь французскую книжку, – значит, вызывают гулять и надо поскорее завязывать с братцем Лисом.



Подорожник

Наш первый помощник. Содранные колени и локти, ладони, порезанные осокой, даже осиные укусы – всё лечится подорожником. Поплюёшь на пыльный листок, приклеишь к ране – и бежишь дальше.

А ещё из подорожника можно надёргать упругих зелёных ниток, чтобы сшить платье из лопухов или повесить украшение на куст шиповника, потому что он ёлка и мы играем в Новый год. Иногда эти зелёные жилки завиваются, тогда они становятся волосами для куклы из одуванчика.

Одуванчики

Нет ничего красивее венка из одуванчиков. Пускай потом все руки в коричневом несмываемом молочке, а лицо и платье в жёлтой пылице – это неважно. Главное – закрепить уже сплетённый венок, чтобы он не распрямлялся и не падал с головы. Этого мы, увы, делать не умеем. Мы заматываем концы травой, но она быстро развязывается – и вот уже наши прекрасные, солнечно пахнущие короны сползают и виснут на ушах, а то и вообще падают в пыль. Но просто выбросить венок нельзя. Мы надеваем их на горячие плечи клёнов или на тонкие запястья берёз.



Безмянные

Ещё в нашем хозяйстве есть полезные мыльные цветы. Если потереть их между ладонями, выделяется пахучий сок, смывающий всякую грязь. Особенно это важно, когда собираешься идти домой – отпрашиваться ещё на часок.

Есть белые ягоды, которые оглушительно трещат и лопаются. Особенно если насыпать их на асфальт целую кучу, а потом прыгнуть с разбегу. Эти ягоды несъедобны и висят на кустах вплоть до поздней осени.

А осенью мы уже не те. Обременённые увесистыми ранцами и пакетами со «сменкой», мы одеты в нелюбимые шерстяные колготки и новые ботинки, в которых нельзя ходить по грязи. Осенью не погуляешь так самозабвенно, даже в выходные. Прежние игры выцвели и потускнели, как трава. И над всем – тягостная тень невыученных уроков.

Белые ягоды щёлкают под ногами. Мы скачем по ним с какой-то унылой удалью. И смутная тоска подступает к сердцу. И ранцы бьют по спине. И вот уже темнеет...



Андрей Баженов

На пруду

Плавали утки под вечер в пруду,
крякая громко у всех на виду.

«Кря!» – о погоде, «кря!» – о семье,
«кря!» – о собаке, сидящей в траве.

«Кря!» – о бегущих купаться мальчишках,
о рыбаке, что поймал окунишку.

Кто-то в кустах очень громко чихнул.
Это охотник, что крепко заснул.

Утки о многом покрякать хотели,
но испугались и прочь улетели.

* * *

По деревьям, скок да скок,
рыжий прыгает зверёк.
Невелик у зверя рост,
но какой пушистый хвост!

* * *

Всю ночь комарик пикал,
мне в ухо носом тыкал.
Потом куда-то делся –
наверное, наелся.



КОТЁНОК И ОДУВАНЧИК

Два пушистика – смотрите.
Что за чудо, в самом деле?
Вы случайно не чихните,
чтоб они не улетели.

СВЕРЧОК

Тает день в малиновом закате,
в деревушке тихо и светло.
Слышно, как на дальнем перекате
бьёт волну рыбацкое весло.

На заре вечерней пали росы,
облаков исчезли купола,
и поёт сверчок, совсем забросив
все свои запечные дела.



СНЫ

Снятся небу облака.
Снятся облакам река.
А река в тумане дремлет,
видит сон про рыбака.

Снятся берегам мосты.
Снятся бабочкам цветы.
Капитану снится море,
ну а мне приснилась ты.





Владимир Кишин

Лампа – гори!

Моё детство – это такой игрушечный домик, вокруг которого кипит настоящая жизнь. Домик маленький, уютный, там хорошо. Но жизнь вокруг него такая интересная! И я всё время торчу у окна, залезаю на подоконник, подаю знаки друзьям, запускаю в форточку бумажные самолёты, свешиваю на нитке пластилиновый десант. Меня с неудержимой силой тянет «на улицу», то есть во двор, на крышу гаражей, в кино, в гости к ребятам – да мало ли мест! Мир так огромен! Домик так тесен.

– Мама! Папа! Мы с классом едем в лес!

С классом лучше, чем с родителями. Потому что родители учат, журят, разговаривают с тобой как с недоразвитым младенцем... Долой! На волю!

...Но вот окончен день, тысяча приключений позади. Я голодный, замёрзший, усталый возвращаюсь домой. Огромный мир остался непокорённым, теперь он чёрный, чужой, пустой, холодный. Я ему не нужен.

В темноте светит моё окно. Я знаю, это горит наша старая лампа, её зажгли родители для меня, а сами ушли в другую комнату смотреть телевизор. Они всегда так делают. Мне смешно: лампа – приманка для ребёнка.

Я смотрю на своё окно и представляю свою комнату, любимые игрушки, тёплую постель... В соседней комнате мигает голубым светом телевизор, там сидят мои родители... На стук двери мама встаёт со словами: «Ну наконец! Беспризорник», – и идёт разогревать ужин. Ужинать мы, как всегда, будем вместе. А потом я заползу под одеяло, стану маленьким-маленьким, чтобы мой уютный домик стал большим, а большой неласковый мир удалился и совсем исчез. И я усну.

Однажды вечером окно осталось тёмным. В ужасе я кинулся домой, туда, откуда засветло рвался, как из тюрьмы. Теперь я туда нёсся не чуя ног, спотыкаясь и едва не падая на четвереньки. «Мама!.. Папа!..» – подвывал я, уверенный, что с ними случилось что-то жуткое.

А просто дедушка с бабушкой из Можги приехали. Про лампу, видите ли, все забыли. И следовательно, про меня тоже. Я разобиделся страшно, хотя мне привезли гостинцы и всё такое. Но в тот вечер случилось второе необыкновенное происшествие, которое нас всех примирило.

Бабушка дала подзатыльник папе.

За что – я пропустил. Вижу только: бабушка сдвинула седые бровки, встала на цыпочки и легонько так хлесь папу по затылку – и тут же улыбнулась и погладила ему голову. Как маленькому! И мой здоровенный отец смутился, как маленький, и, кажется, даже обиделся на свою маму. Совсем как я!

Потом мама и дедушка засмеялись, захлопали в ладоши, а папа опять стал взрослым, он обнял бабушку и поцеловал в щёку, но я уже всё про него понял. Он – сын!

Я знал это, мне объясняли: бабушка с дедушкой из Можги – родители моего папы, а другие бабушка с дедушкой, из Ижевска, – родители моей мамы. Я это знал. Но теперь ещё и понял, уяснил, усвоил: мой папа на самом деле сын, а моя мама на самом деле дочь. И почти ничем они от меня не отличаются, только характер у них похуже. И мне стало легче их терпеть.

И мне захотелось с ними играть. Разговаривать о чём-то. Не сразу, но постепенно мой игрушечный домик стал расти, взрослеть вместе со мной, а теперь он стал совсем настоящим – домом.

Теперь я зажигаю старую лампу для моих детей. Они знают, что их любят и ждут из рискованных путешествий по прекрасному и ужасному огромному миру. Они знают, что так будет всегда.

Борис Ширшов

Из книги «Сто загадок»

За окном деревья плачут,
От дождя намок забор.
Непогода. Это значит:
Вы не выйдете во двор.

Понимаю, что не сладко,
Скучно дождь пережидать,
И поэтому загадки
Предлагаю разгадать...



1

За деревьями, кустами
Промелькнуло быстро пламя.
Промелькнуло, пробежало –
Нет ни дыма, ни пожара.



2

По небу ходит маляр без кистей.
Краской коричневой красит людей.

3

Хочет – прямо полетит,
Хочет – в воздухе висит,
Камнем падает с высот
И в полях поёт, поёт.

4

Чемпион по прыжкам
Скачет, скачет по лужкам.

5

Молоко над речкой плыло,
Ничего не видно было.
Растворилось молоко –
Стало видно далеко.



6

Растёт на суше,
Голова из плюша.

7

На привале нам помог:
Суп варил, картошку пёк.
Для похода он хорош,
Да с собой не понесёшь.

8

У забора я гуляла босиком
И ошпарилась зелёным кипятком.

9

Он в воде сидит,
А я на берегу.
На него я наглядеться
Не могу.

10

Что за стол среди берёз
Под открытым небом?
Угощает он в мороз
Птиц зерном и хлебом.



11

От ветра он не прячется,
А, грудь подставив, пятится.

12

Красный брат и белый брат
На посту в реке стоят.

13

Есть на речках лесорубы
В серебристо-бурых шубах.
Из деревьев, веток, глины
Строят прочные плотины.

14

У неё во рту пила.
Под водой она жила.
Всех пугала, всех глотала,
А теперь в котёл попала.

15

Лежало на свету,
Просилось в темноту.
Да и там покоя нет:
Как бы выбраться на свет.



16

Дом построен для певца
Без окошек, без крыльца.

17

Я – на том берегу
И на этом берегу.
Через речку перебраться
Я тебе помогу.

18

На когтях на ствол сосновый
Влез монтёр красноголовый.
Он трудился на весу,
Да не вспыхнул свет в лесу.

19

Ты кричал – оно молчало.
Ты молчал – оно кричало.

20

Тороплюсь я нынче с улицы домой:
Дома ждёт меня рассказчик немой.



Андрей Зеленин

Чайнворд «Город»

В выделенных цветом клетках чайнворда название одного из городов Пермского края. Рядом с этим городом находится уникальный геологический памятник. Кроме того, этот город является столицей фестиваля воздухоплатователей «Небесная ярмарка». Разгадай чайнворд – и ты узнаешь ключевое слово.

Вопросы: 1. «Звонящий» цветок. 2. Сказочный Горбунук. 3. Водный цветок. 4. Перерыв в спектакле. 5. Из неё идёт дым. 6. Летний месяц. 7. Дорога для пешеходов. 8. Мама и папа. 9. Футбол. 10. Им покрывают дороги. 11. Электричество.

1		Л					Ь		
О		Ш			3		Н		2
11		К	4				А		5
	7	С				6	Б		
Л		О				8	О		И
		С	10			9	Л		

Путешествие в сказку

Стынут лунные дорожки,
Дым клубится над трубой...
И в застывшие окошки
Входят сказки все гурьбой.

Входят сказки друг за другом —
Нет ни стен, ни потолка...
Дети жмутся тесным кругом
За столом у огонька.

Евгения Трутнева



Лев Кузьмин

Дом с колокольчиком

Стоит небольшой старинный
Дом над зелёным бугром.
У входа висит колокольчик,
Украшенный серебром.

И если ты ласково, тихо
В него позвонишь,
Поверь,
Что в доме проснётся старушка,
Седая-седая старушка,
И сразу откроет дверь.

Старушка приветливо скажет:
– Входи, не стесняйся, дружок!
На стол самовар поставит,
В печи испечёт пирожок
И будет с тобою вместе
Чаёк распивать дотемна,
И старую добрую сказку
Расскажет тебе она.



Но если,
Но если,
Но если
Ты в этот уютный дом
Начнёшь кулаком стучаться,
Поднимешь трезвон и гром,
То выйдет к тебе не старушка,
А выскочит Баба-яга,
И не слышать тебе сказки
И не видеть пирога!



Андрей Зеленин

«Птичья» сказочка

Жил-был медведь –
любил попеть!
С утра вылезал из берлоги – да в лес!
И давай, бес,
выть да рычать –
до страху пугать!
Да ещё и обижался –
мол, чего не слушаете?
За-ло-ма-ю!
Только вы не бойтесь, я-то вас не пугаю,
так, просто сказочку рассказываю –
слушайте!



Вот как у нас в лесу ни соловья, ни кукушки, даже сороки не встретить!

А чего?

А того!

Встал как-то раз Михайло Потапыч не с той лапы да в малинник собрался – живот потешить, душу порадовать.

Шагает Миша – по сторонам глядит, а вниз некогда. Что внизу, когда вверху не порядок творится: тут ему



воробьи лесные не кивают, там вороны не здороваются, глухарь опять же поклона не отвесил. Всё примечает Михайло Потапыч, по новой мрачнеет да хмурится.

Дошёл бы до малинника, глядишь, и ладно было бы! Да вот не дошёл: лиса поперёк тропинки. Не успела хвоста убрать – запнулся Мишенька о рыжую да растянулся, аж ёлочки-сосёночки вздрогнули!

Взъярился Михайло Потапыч – как схватит лису за хвост!

– Ах ты, – говорит, – рыжая! Ты – так? А я – вот эдак!

Раскрутил Миша Патрикеевну да как пустит над тропинкой-то!

Летит лиса не высоко, не низко, не медленно, не быстро. Летит, грустит – мол, как бы дальше пролететь, не в еловые колючки, а хотя бы до ручейка: пусть вода, а всё мягче!

Вот и принялась лисонька лапами махать, слова птички вспоминать – вдруг из-за них дальше полетится?

На беду, на чью – непонятно, сорока навстречу попалась. Глядит: лиса! Лиса – от носа до хвоста. Рыжа как есть, опять же от хвоста до морды наглой. Всё бы так, да одно не то: не бежит лиса, не плетётся, не ползёт – летит, лапами машет, да ещё поёт по-птичьи на разные голоса:

– Кар-р! Чик-чирик! Фьюить! У-гу-у!

«Как дальше жить?» – сорока за голову схватилась. Да помчалась к родне новостью делиться: лисы-то что надумали – ле-та-ют!

Ну, тут и встала сорочья стая на крыло: ну их, лис, к бесу, пора прочь из лесу! Коли лисы летать стали, житья от них не жди: и ночью сам не уснёшь, и днём гнезда не спасёшь!

А за сороками, услышав, в чём дело, все остальные потянулись: и горлинки, и воробьи, и рябчики! Даже глухарь, плюнув, ушёл – ещё и радовался: заодно и медведю не кланяться.

Тише в лесу от того не стало. Один день, правда, было, а после того ещё громче повелось.

Михайло Потапыч-то, как узнал, отчего в лесу птиц не стало, осерчал на лис крепче крепкого. А после того и надумал: коль рыжие виноваты, так им и исправлять.

Так что вы теперь, коли в лес к нам зайдёте, не пугайтесь, не удивляйтесь – привыкайте, как и мы. У нас теперь на каждом дереве по лисе: кто на ёлочке, кто на сосне. Кто за ворону кричит, кто за глухаря молчит. Жальче всего тех, которые за дятлов остались. Ну, да то не беда, а впредь урок: знай, кому тропинку перебежать да как!

Такая сказочка. Кому про медведя, кому про лис, а кому и третье вздумается.

Алексей Домнин

Последний дракон

Хочешь – верь, хочешь – нет, а было так.

Занесли меня шальные ветры сам не знаю куда. Шагаю в гору по незнакомому берегу и слышу: стонет кто-то. А голос грубый и противный.

Влез я на гору, сквозь кусты протиснулся, смотрю: пещера. Закопчённая вся, и камни перед ней опалённые. Вырвался из пещеры сноп огня, и выполз большой зелёный дракон. Морда как у коровы, хвост крокодилий, когти орлиные, а крылья с перепонками как у летучей мыши, только огромные.

Вытянул дракон зелёную морду и заплакал:

– Я больной, я старый, и некому меня пожалеть...

Икнул и искрами меня осыпал, тельняшку на груди прожёт.

– Эй, – кричу, – осторожно! А то костылём по лбу ляпну!

– Не могу я не икать, – застонал дракон, – у меня изжога. И вообще я скоро помру. Ведь я самый последний дракон на свете. Жалко мне себя...



А меня всё больше и больше разбирает любопытство:

– Зачем тебе помирать, сохрани себя для потомков.

Пусть тебя, такое чучело, в музее показывают.

А у него слёзы прямо ручьями текут.

– Попробуй сохрани, если у меня ревматизм, склероз и гастрит. И нет таких докторов, чтобы нас, драконов, лечили.

– Вылечи тебя, а ты пакостить начнёшь: деревни палить, детей таскать.

– Я уже тыщу лет никого не обижал. Совсем ручной. Меня бы приласкать. Человеческая ласка даже драконам приятна.

Ну что с ним делать – разжалобил. Спросил я у него дорогу в ближайший город и пошёл аптеку разыскивать.

Городок оказался таким же старым, как и дракон. Улицы узкие, дома с острыми крышами, покрытыми черепицей.

Посередине базарной площади стоял столб. Возле столба толстый булочник в фартуке торговал кренделями. Купил я у него крендель, жую, на народ поглядываю.

Вдруг вылетел на площадь рыцарь в чёрных латах, на чёрном коне и с длинным копьём. Опрокинул повозку с арбузами, истоптал чьи-то горшки да корчаги и умчался. А народ, словно ничего не случилось, снова занялся своими делами: кто арбузы собирает, кто в очереди за мороженым стоит.

– Что за нахал? – спрашиваю у булочника.

– О! – булочник поднял палец. – Чёрный рыцарь уже двадцать лет обещает сразиться с драконом и вот репетирует сражение с ним. На наших спинах.

– И вы терпите?

– Привыкли, – пожал плечами булочник. – Мы боимся дракона.

– Чего его бояться? Он старый совсем, ручной.

– А ты его видел?

– Видел.

– Ой, врешь!

– Ладно, приведу его завтра сюда, на площадь, и вы сами увидите.

Пекарь прыснул и захохотал:

– Он приведёт дракона!

Весь народ на базаре стал хохотать и показывать на меня пальцами:

– Он хочет стать вторым Чёрным рыцарем!

Купил я в аптеке бочонок аспирина, два мешка соли и бегом ускакал из города. Вслед мне улюлюкали мальчишки.

Дракон увидел меня и радостно завилял хвостом, как пёс. Я этому чудовищу скормил сперва бочонок аспирина, а потом два мешка соли, чтобы он внутри хорошо просолился. Дракон проспал всю ночь, ни разу не икнув огнём. А утром, сидя на нём верхом, я въехал на базарную площадь. Привязал его к столбу, дал клочок сена. Дракон улёгся и стал, мурлыкая, жевать.

Площадь была пуста, но из каждой подворотни, из каждой щели смотрели чьи-нибудь испуганные глаза.

И тут на площадь вылетел Чёрный рыцарь на своём коне. Увидев дракона, он испустил вопль ужаса, конь взвился на дыбы и сбросил седока через голову. Дракон в это время зевнул, и рыцарь нырнул ему в пасть – только ноги наружу.

– Выплюнь сейчас же! – затопал я на дракона.

Тот вращал глазищами и шипел:

– Не могу, он в глотке застрял.

Пришлось привязать к ногам рыцаря верёвку. Но как я ни пытался его вытянуть, не хватило силы.

На площади уже стал появляться народ. Подскочил пекарь и стал помогать мне. А вот уже и дюжина горожан ухватилась за верёвку:

– Раз, два – взяли!

Рыцарь пробкой вылетел из драконовой пасти. Он был зелен от страха. Огляделся, охнул и помчался, хромя, вон из города. А по драконовой спине уже лазили любопытные мальчишки, кормили его сладостями.

Пекарь вздохнул:

– Вот ежели бы его к печке приспособить, пироги-баранки печь, а?

Дракон даже замычал от удовольствия:

– Я готов! Я всегда пожалуйста!

Так и оставил я его у пекаря. Дул он в печь огнём, и от этого хлеб и пирожки получались румяные, с поджаристой корочкой.

А мне пора было снова в путь, в неведомые края.

Провались ты на этом месте, если я что-нибудь наврал!



Владимир Воробьёв

Брызгун – Мокрые Лапти

То было очень давно, когда люди на Руси ещё в лаптях ходили.

Однажды шёл по полю человек в лаптях. И вот замечает: жаворонок пел, пел да и перестал. Крикнул человек жаворонку:

– Эй, жаворонок, чего петь перестал? Куда спрятался?

А жаворонок и отвечает ему из травы:

– А Брызгун – Мокрые Лапти идёт!

Огляделся человек на все четыре стороны. Никого не видеть.

Дальше путь ему вдоль реки был. Идёт человек, слышит: лягушки на берегу расквакались. Крикнул им:

– Эй, лягушки-квакушки! Чего расквакались? Иль перессорились?

Отвечают лягушки хором:

– К-на-ам, к-ва-ам Брызгун – Мокрые Лапти идёт!

Огляделся человек на все четыре стороны. Никого не видеть.

Идёт дальше. Видит: рыбы из воды выскакивают. Крикнул им человек:

– Эй, рыбы! Чего вы распрыгались?

Отвечают ему рыбы неслышными рыбьими голосами:



– Брызгун – Мокрые Лапти идёт!

Огляделся человек на все четыре стороны. Никого не видеть.

Пошёл дальше. А путь ему был через лес. Увидел он муравейник и дивится: почему муравьёв нет?

– Эй, муравьишки! – крикнул человек. – Ясный день на дворе, а вы спрятались. Иль работать лень?

Отвечают ему муравьи сердито:

– Брызгун – Мокрые Лапти идёт!

Огляделся человек на все четыре стороны. Никого не видеть. Только тучка дождевая от края неба бежит. Набежала, дождём пролилась. Намокла кругом земля, вымокли у человека лапти.

Тут-то и смекнул он, кто таков Брызгун – Мокрые Лапти.

С тех пор люди ко всему приглядываются и наперёд замечают, когда дождю быть.

Что приснилось МЕДВЕДЮ

В лесу воет вьюга. Спит в берлоге огромный, страшный медведь. И снится ему сон: будто уже наступило лето, будто идёт он по малину. И вдруг встречается ему заяц. Да не заяц, а зайчище невиданный! Ушами до верхушки ёлки достаёт. Рядом с ним медведь сам себе зайцем показался.

– Эй ты, Мишка! Какой-то ты маленький стал. А мы, зайцы, видишь, теперь какие!

Да как рявкнет зайчище:

– А ну, прочь с дороги! Не то задавлю!
Испугался медведь. Дорогу зайцу уступил.

А тут, откуда ни возьмись, ёжик. Да не ёжик, а ежище!
Рядом с ним медведь сам себе ёжиком показался.

– Эй, Мишка! Какой ты маленький стал. А мы, ежи, видишь, теперь какие!

Да как зарычит ежище:

– А ну, прочь с дороги! Не то затопчу!
Испугался медведь, уступил дорогу ежу.

Идёт медведь и думает: «Что за притча! Отчего они такие большие, а я маленький?»

Тут, откуда ни возьмись, лягушка. Да не лягушка, а лягушище! Рядом с ней медведь сам себе лягушкой показался.

– Эй, Мишка! Какой ты маленький стал. А мы, лягушки, видишь, теперь какие!

Да как квакнет лягушище:

– Квак! А ну, прочь с дороги! Не то в землю по уши вдавлю!

Испугался медведь, уступил лягушке дорогу.

Идёт медведь и думает: «Ну и ну! Боязно теперь в лесу жить».

Тут, откуда ни возьмись, кузнечик. Да не кузнечик, а кузнечище! Брюхо своё зелёное о вершину сосны почёсывает. Рядом с ним медведь сам себе кузнечиком показался.

– Эй, Мишка! Какой ты маленький стал. А мы, кузнечики, во теперь какие!

Да как цыкнет кузнечище:

– А ну, прочь с дороги! Не то в муку изотру. Цыц!

Испугался медведь, подумал: «Пропала моя головушка! Не знал я, каково маленьким перед большими быть». И со всех ног прочь от кузнечика кинулся.

Снится медведю, будто настала зима. Нашёл он под травинкой норушку и залёг в ней.

Вьюга воет. А он, Мишка, уткнул нос в лапы и горько плачет: «Я зверёк маленький, меня каждый обидеть может...»

И так ему себя жалко стало. Так жалко! Заплакал он и – проснулся.

Всхлипнул медведь спросонья, поворочался, почесался и думает: «В самом деле я маленький или это мне приснилось?»

А как узнаешь? Наружу вылезать страшно – вдруг заяц нагрянет?!

В это время заглянула в берлогу мышка. Она под снегом жила.

Увидел мышку медведь и спрашивает:

– Скажи, серая, большой я или маленький?

– Сначала все маленькие бывают. А теперь ты, Михайло Потапович, большой, – ответила мышка.

Обрадовался медведь, снова спать залёг. И больше снов не видел.



Где край земли

Однажды на дворе заспорили свинья, петух, пёс и аист. Каждый на своём стоял. Ни с кем другим не соглашался. А спорили они о том, где край земли.

Свинья Зюнька над корытом хрюкала:

– Хрю-хрю! Каждый день смотрю. Край земли в аккурат за воротами.

Петька-петух орал:

– Ку-ка-реку-у! Край земли неподалёку-у! Ко-ко-ко. За околицей! Мне отсюда видать!

А пёс Полкан рычал и лаял:

– Гав! Гав! Говор-рят вам, в гор-роде край земли. За базар-ром ср-разу!

Аист Длинный Нос на крыше стоял. Уговаривал:

– Нет, нет. За дальними городами край земли. За чужими землями.

Слово за слово, порешили они вместе идти. Край земли найти. А до тех пор домой не возвращаться.

Попрощалась свинья с корытом. Петух с курами. Пёс воротам поклонился. Аист малым деткам в своём гнезде. И отправились.

Пошла впереди свинья. Остальные сзади.

За ворота выбрались – нет края земли.

Побежал петух впереди. Остальные сзади.

Выбрались за околицу. И там не край земли.

Теперь пёс впереди, остальные сзади.

Вот прибежали в город. В Простореченск. Все прохожие глядят на них. Любопытствуют:

– Зачем прибыли? По каким делам?
А Полкан в ответ рычит:
– Кр-рай земли р-разыскиваем!
Смеются прохожие. Говорят:
– Да нету края у земли. Она круглая.
Но свинья, петух, пёс и аист людям не поверили. Весь город обегали. А края земли нет и нет.

Не идти же домой курам на смех. Прибежали они на вокзал. Попросились в поезд:

– На билеты денег нету. Только у Зюньки пятак. Пустите нас так.

Пустили их в поезд.

Длинный Нос на верхнюю полку забрался, Петька – на нижнюю. Зюнька под полку затискалась. А Полкан у окна устроился.

Поехали!

А пассажиры любопытствуют:

– Куда едете? По каким делам?
– На край земли едем, – отвечают петух, свинья, пёс и аист. – На самый краешек!

Смеются пассажиры. Говорят:

– Да нету края у земли. Она же круглая.

Но свинья, петух, пёс и аист людям не поверили.

Вот миновали они города дальние. И земли чужие проехали. Наконец поезд встал. Впереди море.



Выскочили из вагона свинья, петух, пёс и аист. Кричат:

– Вот край земли! Вот он! Дальше ехать некуда!

А люди на берегу смеются. Говорят:

– Да за морем опять земля. И нет у неё края. Потому что она круглая.

Но Петька, Полкан, Зюнька и Длинный Нос людям не поверили. Побежали они проситься на пароход.

– На билеты денег нету. Только у Зюньки пятак. Пустите нас так.

Пустили их на пароход.

Длинный Нос на мачту взлетел. Петька на поручни сел. Зюнька поближе к камбузу. Полкан на палубе устроился.

Поплыли!

А матросы любопытствуют:

– Куда плывёте? По каким делам?

Но Петька, Зюнька, Полкан и Длинный Нос теперь помалкивают. Не хотят, чтобы над ними смеялись.

Долго плыл пароход. Наконец пристал к берегу. Опять земля! Снова в поезде ехали, ехали. А как вышли из вагона, глядят: опять они в том же городе. В Простореченске.

Удивился петух:

– Ко-ко-кох! Земля горох?!

Хрюкнула свинья:

– Хрю-хря! Ездили зря!

Полкан зарычал с досады:

– Нет у шар-ра кр-рая!

Длинный Нос промолвил тихо:

– Она круглая...

И побежали они домой – всем рассказывать, что земля круглая!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

Узнай пословицу

Где родился, там и пригодился.
Глаза боятся, а руки делают.
Семь раз отмерь, один раз отрежь.
Кто в лес, кто по дрова.
Гусь свинье не товарищ.
Не сахарный, не растаешь.
По Сеньке и шапка.

Очень старые загадки

1. Горизонт. 2. Солнце и Луна. 3. Луч солнца. 4. Дождь. 5. Роса.
6. Подсолнух. 7. Лодка. 8. Вода. 9. Кот. 10. Воробей. 11. Белка. 12. Ёжик.

Кроссворд «Найди народ»

Армяне, башкиры, белорусы, грузины, марийцы, поляки, русские, татары, удмурты, украинцы, чувашаи.
Ключевое слово: НЕМЦЫ.

Ребусы «Отыщи полезное ископаемое»

1. Соль. 2. Руда. 3. Нефть.

Загадки «Северная красавица»

1. Вода. 2. Гриб. 3. Шапка. 4. Дерево. 5. Рыба. 6. Свеча.
Ключевое слово: ВИШЕРА.

Из книги «Сто загадок»

1. Лисица. 2. Солнце. 3. Жаворонок. 4. Кузнечик. 5. Туман. 6. Камыш.
7. Костёр. 8. Крапива. 9. Поплавок. 10. Птичья кормушка. 11. Парус.
12. Бакены. 13. Бобры. 14. Щука. 15. Семя. 16. Скворечник. 17. Мост.
18. Дятел. 19. Эхо. 20. Книга.

Чайнворд «Город»

1. Колокольчик. 2. Конёк. 3. Кувшинка. 4. Антракт. 5. Труба. 6. Август. 7. Тротуар. 8. Родители. 9. Игра. 10. Асфальт. 11. Ток.
Ключевое слово: КУНГУР.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3	Узнай пословицу	30
ДОРОГА ПТИЦ	4	Очень старые загадки	30
Альмира Зебзеева		Андрей Зеленин	
Кто мы?	6	Найди народ (<i>Венгерский кроссворд</i>)	32
Герб и флаг Пермского края	8	Отыщи полезное ископаемое (<i>Ребусы</i>)	32
Николай Бурашников		АЛАЯ РЕКА	33
«Я говорю себе: не спи...»	11	Степан Караваяв	
МИФЫ, ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ НАРОДОВ		Светлый ручеёк (перевод Л. Кузьмина)	34
ПРИКАМЬЯ	12	Альмира Зебзеева	
<i>Башкирские предания</i>		Прикамье – край при Каме	36
Дорога птиц	12	Каким ключом открывается Кама	38
Ковш Великана	13	Какими бывают реки	40
<i>Удмуртские предания</i>		Какой у реки характер	41
Пятна на луне	14	Как реку зовут	42
Звездопад	15	Алексей Решетов	
<i>Предания народа манси</i>		«Эта речка не бурлила...»	44
Медный барабан	16	«На траве золотистые блики...»	44
Обидчивая луна	17	Владимир Воробьёв	
<i>Предания коми-пермяков</i>		Ёрш – рыба кунгурская	45
Полюд, Ветлан и Вишера	18	Валентина Телегина	
Пера-богатырь и водяной	19	Быстрина	49
О кривой берёзе (<i>Татарская сказка</i>)	22	Андрей Баженов	
«А было это, голубчики, в старину...»		Летняя метель в лунную ночь	50
(<i>Присказка</i>)	23	Лев Кузьмин	
Ягишна и синичка (<i>Русская сказка</i>)	23	Алая река	52
«Жил-был карась...» (<i>Присказка</i>)	26	Валерьян Баталов	
Альмира Зебзеева		Ночная радуга	53
Земля широка – все поместимся	27	Михаил Осоргин	
Пермяк – солёны уши	28	Ася (<i>Из рассказа «Кама»</i>)	54
		Клад (<i>Из рассказа «Земля»</i>)	56
		Всё бежит – и всё изменяется	
		(<i>Из книги «Времена года»</i>)	58

Наталья Чебыкина		Евгения Трутнева	
Княженика	59	Радуга	96
Андрей Зеленин		Ходит солнышко высоко	97
Северная красавица (<i>Загадки</i>)	60	Одуванчик	98
ВОЛШЕБНАЯ КНИГА ПРИРОДЫ	62	Эхо	98
Борис Гашев		Наталья Ключарёва	
Л (<i>Из «Азбуки»</i>)	64	Детский мир растений	99
Виталий Бианки		Андрей Баженов	
Сумасшедшая птица	65	На пруду	103
Лупленный Бочок	73	«По деревьям, скок да скок...»	103
Николай Бурашников		«Всю ночь комарик пикал...»	103
Осеннее утро	81	Котёнок и одуванчик	104
«Листопада словно не бывало...»	81	Сверчок	104
«Хорошо, махнув на всё рукою...»	82	Сны	105
Анатолий Тумбасов		Владимир Киришин	
Телеграмма	83	Лампа – гори!	106
Время лететь	84	Борис Шишов	
Похвалюшка	84	Из книги «Сто загадок»	109
Мои соседи	85	Андрей Зеленин	
В дорогу	86	Чайнворд «Город»	114
Зарянка	87	ПУТЕШЕСТВИЕ В СКАЗКУ	115
Алексей Решетов		Лев Кузьмин	
«Первый снег, первый снег		Дом с колокольчиком	116
на дворе...»	88	Андрей Зеленин	
«Раздвигается валежник...»	88	«Птичья» сказочка	118
«Синий, синий колокольчик...»	88	Алексей Домнин	
«Бабочка петь не умеет...»	88	Последний дракон	121
«Солнечные зайчики		Владимир Воробьёв	
на траве лежат...»	89	Брызгун – Мокрые Лапти	126
Иволга	89	Что приснилось медведю	127
Михаил Смородинов		Где край земли	130
Укрощение строптивых	90	Ответы на задания	133

*Литературно-художественное издание
для детей младшего школьного возраста*

ЧУДЕСНОЕ ПРИКАМЬЕ

Сказки, стихи, рассказы и загадки
о Пермском крае

Редактор *Ксения Гашева*

Художник *Елена Аликина*

Корректор *Татьяна Ускова*

Компьютерное исполнение – *Фёдор Назаров*

Благодарим специалистов Пермской краевой детской библиотеки
им. Л.И. Кузьмина и МБУК «Объединение муниципальных библиотек»
г. Перми за оказание информационной помощи.

ООО «Лира-2» («Центр пермской книги»)

614036, г. Пермь, ул. Леонова, 10а,

тел. (342) 206-96-91,

<http://www.lira2perm.ru>, e-mail: lira2@mail.ru

ISBN 978-5-9908244-0-9



Подписано в печать 15.06.2016 г.

Формат 70x90¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,86.

Гарнитура Мурад Pro. Печать офсетная.

Тираж 39 000 экз. Заказ № 500.

Отпечатано в соответствии

с предоставленным оригинал-макетом

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru







Аурпа2